

ТЮМЕНЬ Литературная

Мы были сильны! И Отчизна
держалась, как надо,
За всех заклеименных,
покуда не предали нас.

Николай Денисов
(Из поэмы «Граница»)

Газета русской литературы и культуры
RUSSIA № 5 (88) 2006 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Современная Тюмень. Улица Республики

Ноябрь 2006 года – 425-летие победы
Ермака Тимофеевича в Сибири

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

В начале сентября с. г. в Ханты-Мансийском автономном округе прошли Дни российской литературы. Писатели, поэты из разных городов России встречались с рабочими нефтяных промыслов, молодежью и студентами вузов, с творческой интеллигенцией. Большие литературные вечера при полных залах прошли в Нижневартовске, Сургуте, Ханты-Мансийске.

Участниками литературного праздника были Станислав Куняев, Владимир Личутин, Геннадий Иванов, Александр Казинцев, Василий Макеев, Владимир Топоров, Николай Рачков, Александр Кердан, Николай Денисов, Николай Коняев, Борис Бурмистров, Арсен Титов, Владимир Шемшученко, Николай Лугинов, Геннадий Попов, Людмила Брыксина, Мария Волдина и другие известные литераторы России.

Большую поддержку празднику литературы оказали власти округа, администрации городов и районов.

На снимке: глава города Сургута А. Л. Сидоров с участниками литературного праздника.

РЕКВИЕМ ПО ОСЕНИ

Они шумели весь вечер и почти всю ночь. Своеобразная переключка этих больших длинноногих птиц сопровождалась щелканьем и хрипами, вскриками и хлопаньем крыльев. Собравшись в круг, птицы начинали подпрыгивать в своем забавном танце. Потом разбредались по болоту в поисках корма, чтоб через какое-то время опять сойтись и водить свои хороводы...

Охотник долго наблюдал за ними, боясь спугнуть эту стаю журавлей, наверное, проводших здесь лето, а может быть, опустившихся на болото для отдыха и готовящихся к дальнейшему продолжению полета на юг.

Среди ночи, недалеко от болота, взметнулся огонь небольшого костра на краю соснового бора. Птицы вытягивали шеи, вертели головками, наблюдая за костром. Наиболее смелые из них, сделав несколько шагов к охотнику, останавливались, затем, успокоясь, принимались опять за свои неугомонные дела. Охотник между урывками сна и не заметил, что совсем притихли длинноногие только под утро, когда небесная чернота стала разбавляться утренней заревой просинью.

На моховом болоте проснулся рассветный ветерок. Скользя по лицу охотника, круто развернувшись, он медленно потек к воде, задевая и пересчитывая на пути кривые березки, пожелтевшую осоку, мохнатый ягель. Потом ветерок стал медленно разворачивать над пожухлыми травами плотную полосу тумана. Слово белый дух ночи, скользя над соседними заболоченными лугами, отягощенными крупной росой, двигались уже молочные клубы этого зябкого тумана. А над всем простиралась единая тишина, окутанная тяжелой завесой воздуха и ощущением остановившегося времени.

Среди густых сосновых зарослей подала голос какая-то птица. Вторя ей, забубнил глухарь. Затем негромко защелкал клювом журавль, тут же смолк. А над костром охотника медленно загудел чайник, запыхал горячим парком, торопя человека побеспокоиться о крутой заварке, о чаепитии.

И вот проблеск всходящего солнца озарил округу. Туман над моховым болотом приподнялся – немного, на длину шомпола. Стало видно, как шагают гуси у среза воды. Головки их еще прятались в тумане. Тонкие ноги журавлей будто бы сами по себе бродили по траве. Селезень, увидев костер, как-то отчаянно закричал, сорвался с воды в полет. Тут же раздалось хлопанье множества утиных крыльев. И снова воцарилась таежная глухая тишина.

Неспешно закончив чаепитие, стараясь не нарушить этой чуткой тишины, охотник медленно собрал вещи в рюкзак. Но едва приподнялся над догорающим костром, над болотом, как раздался приглушенный туманом трубный клич, и вся стая журавлей решительно оторвалась от земли, набирая высоту. Затем, описав большой круг над пространством, птицы появились вновь, чуть покачивая крыльями, планируя среди почти совсем рассеявшегося тумана. И медленно затормаживая полет, переключаясь, опустились на твердь. На журавлином болоте начинался новый день...

Солнечные лучи уже совсем разогнали туман в окрестности, когда охотник вышел на опушку соснового бора. Он наблюдал за действиями журавлей, слушал их крики, их переключку перед трудной дорогой в теплые страны.

Вот он заметил их новые действия, их размеренную торопливость, когда опять могуче взмахнув крылами, журавли протрубили новый полет, теперь уж в полной уверенности окончательного расставания с родным болотом, которое послужило им в ушедшее лето, куда предстоит вернуться им будущей весной.

Охотник подумал о том, что когда он слышит эти журавлиные прощальные клики, то слышит он не просто голоса птиц... Он подумал о том, что они сообщают ему о благородстве того места, на которое они вернутся через несколько холодных северных месяцев. Улетая, птицы включают, а может быть, и щелкают «тумблерами» временных событий: прощай, северная осень! Перемогите, люди, как можете, зиму. Мы обязательно вернемся к вам по весеннему теплу!

Печаль, которую ощутил охотник на моховом болоте, наверное, была рождена тем, что место это на время дало приют улетающим на юг осенним странникам, рядом с которыми провел и он эту неизбывную осеннюю ночь – с её живыми голосами отцветшей, уходящей поры года.

Еще охотник подумал о том, что теперь моховое болото опять будет обездолено наступающими холодами, которые закуют его в панцирь льда, укуют от взора тяжелыми снежными заносами.

Амирсеит Даутбеков,
г. Нижневартовск.

Мысли вслух поэта и гражданина

«И при царях и при генсеках литература и искусство были делом государственным. Таким и должны оставаться».

Творец и власть... Обязательно ли две эти силы должны находиться в конфронтации? Может быть, им пора стать союзниками? Поэт, писатель, публицист Николай Денисов уверен, что нынешнему времени как никогда потребны нравственные, одаренные от природы люди, способные пером, кистью, живым образным словом пробудить в соотечественниках лучшие мысли и патриотические стремления, однако руководство страны, полностью сосредоточившись на важности социальных и экономических преобразований, в своих приоритетах отодвинуло на второй или даже третий план литературу, культуру, искусство.

О ПАТРИОТАХ

Наше знакомство с Николаем Васильевичем началось с его рассказа о недавней, уже не первой по счету поездке в Венесуэлу. Русская эмиграция в этой заокеанской стране насчитывает три волны: самую раннюю, белогвардейскую, отечество выплеснуло, разметавшись в большевистском угаре, следующая началась после второй мировой войны, еще одна была порождена сумбуром девяностых годов минувшего века. По намекам собеседника понимаю, что последние переселенцы – большей частью те, кто набедрокнул у себя на родине в эпоху кажущейся вседозволенности, впрочем, речь Денисов ведет не о них... Его друзья, герои уже написанной, но пока неизданной книги «Огненный крест», – потомки и носители традиций настоящей российской интеллигенции, в среде которых родились и талантливые писатели, поэты. Словом, люди образованные, высоконравственные... В их домах – старинная и современная литература, картины с русскими пейзажами, матрешки, самовары, вышитые полотенца, но не это главное... Важно, что у них в сердце живет Отчизна, и тост за столom за нее, единственную, всегда провозглашается стоя. Хотят ли они вернуться в Россию? Раньше было невозможно. Сейчас? Едва ли... Причиной тому не только высокопочтенный возраст. Столько сил отдано приютившей их стране – лечили, искореняли тропические эпидемии, обрабатывали землю, строили дома, дороги, пробивали в горах туннели, тянули линии электропередач... И обязательно в первую очередь собирали «по копейке» средства на возведение православных церквей и храмов! Место под жарким венесуэльским солнцем заслужено ими честно, но случись этому народу сгинуть, лишиться самобытности, слиться с массой местного населения – и российская культура утратит изрядный свой пласт.

Кстати, именно в Венесуэле Николай Васильевич, всегда трепетно относившийся к вере, крестился в православном храме. Его крестной матерью стала Лидия Артуровна Руднева, жена внука командира легендарного крейсера «Варяг», крестным отцом – Георгий Григорьевич Волков, председатель венесуэльского кадетского объединения. Какие же пути привели коренного сибиряка за Атлантику? Чтобы рассказать об этом, он в своих воспоминаниях возвращается в 1989 год, когда обком партии дал «добро» на выпуск обновленной «Тюмени литературной»...

– Страна тогда переживала настоящий информационный бум – в киоски «Союзпечати» каждое утро выстраивались очереди человек по тридцать... Коллектив нашей газеты сразу определил для себя патриотическое направление, и после выхода первого же номера читатели стали забрасывать нас письмами. Откуда только мы их ни получали: газета передавалась из рук в руки и попадала в самые отдаленные уголки Союза. Тем не менее когда на стол лег конверт, сплошь обклеенный иностранными марками, это оказалось для меня полной неожиданностью...

Не менее неожиданным для Николая Васильевича стало обращение, с которого начиналось послание: «Глубокоуважаемый господин редактор...» – не очень-то граждане уже разваливающегося СССР привыкли ощущать себя «господами». Впрочем, дальнейшие строки сразу пришлись Денисову по сердцу: русский венесуэлец Волков писал о том, как близки ему мысли и рассуждения о России авторов «Тюмени литературной»:

«Мы так же думаем о своей Родине», – приоткрыл он чувства русских эмигрантов.

Завязалась переписка, а спустя какое-то время Волков приле-

тел в Москву и оттуда позвонил Денисову, мол, скоро поеду через Тюмень в Тобольск, всегда мечтал посмотреть на древнюю столицу Сибири.

– Я разволновался: прежде мне не доводилось принимать гостей из-за границы. Решил, что в гостиницу его не повезу, приглашу к себе домой. С просьбой выделить машину обратился к заместителю председателя облисполкома Юрию Коневу. Тот без всяких возражений дал «Волгу». Супруга моя пообещала накрыть стол, одна беда: в стране как раз развернулась борьба с алкоголизмом, и ни хорошего вина, ни коньяка достать было невозможно. Хорошо, что мои друзья подключились, с трудом, но решили эту проблему. Встреча прошла замечательно: за несколько дней мы показали Георгию Григорьевичу наш город, церкви и монастыри, которыми славится Тюменская область. Он был очарован, и в свою очередь пригласил меня в Венесуэлу. Так я оказался там первый раз, посмотрел, как живут бывшие соотечественники... Нравственности, культуры, русских православных традиций они сохранили больше, чем мы, россияне. Я не мог не отметить высокую культуру их речи, прекрасное владение литературным словом и, как уже говорилось выше, их неугасающий патриотизм и ориентированность на исконно русские ценности, важнейшая из которых – коллективизм.

Немало повидав разных земель и народов, я пришел к выводу: Россия пока не похожа ни на какую другую страну в мире, недаром ей покровительствует Богородица. И индивидуалистический американский образ мыслей, где каждый сам за себя, у нас не приживается, хотя его упорно пытались и все еще пытаются нам навязывать... Хорошо, что сегодня о патриотизме вновь заговорили на самом высоком уровне, на уровне Президента. Хорошо, что вспомнили о морали, о корнях, о национальных традициях, о предках, об уважении к минувшему, стали показывать лучшие советские фильмы, которые не разрушают, а возвышают душу, зовут к добру. Хочется верить, что вслед за этим по-настоящему настанет время возрождения культуры в нашем обществе, не попы, а именно культуры – серьезной литературы или, например, живописи, которые создаются в трудах за письменным столом, за мольбертом... Нынче ж полки книжных магазинов, которых, кстати, становится все меньше и в Тюмени, забыты, в основном, чтивом легкого содержания, то есть отстранен вопрос достойного воспитания следующего за нами поколения. Популярный в прошлом книжный магазин «Новинка», к примеру, где проходили встречи с писателями – тюменцами и нашими гостями – перефилирован под продажу швейного ширпотреба. Много можно приводить таких примеров подавления истинной культуры, замены её, скажем, на блатную песенную лирику, что порой разносится из «музыкальных киосков», насильственным порядком терзает души и слух пассажиров городских и междугородных автобусов.

Кому это надо? Кем все это внедряется в жизнь общества? Нужна политическая воля руководства страны, чтоб в корне поправить положение, если мы хотим построить здоровое, крепкое государство, где не телевизионно-пивная, а социальная, культурная политика направлена на оздоровление людских душ, на сохранение народа.

О ЛИТЕРАТУРЕ

В 1989 году «Тюмень литературная» первой в области подняла тему православия. На колокольне Тобольского кремля меняли крест: вертолет медленно опускал его на тросах, а внизу стоял священник и благословлял процесс крестным знаменем. Присутствующий при этом событии фотокор ТАСС Иван Сапожков сделал несколько снимков, один из которых Николай Васильевич поместил на первую полосу своей газеты.

Поступок по тем временам был смелый: кое-кто из коллег-журналистов и писателей даже усомнился в его благоразумности – как то еще посмотрит на это обком партии? Но в обществе уже зрела необходимость обращения к Богу, к религии, и не считаться с ней было нельзя. По всей России вскоре начали восстанавливать храмы, золотить купола.

Сегодня наша умная, духовная страна изнывает от отсутствия внимания к культуре. Это самая большая тема из тех, которые Денисов готов обсуждать со своими собеседниками. Во всем, что было сказано им выше, есть нотка предчувствия качественных изменений, как тогда, в конце восьмидесятых, но сколько еще надо ждать, прежде чем зерно даст росток, а плод окончательно созреет?

– Мы и так уже очень многое потеряли: сник креативный накал, десятки одаренных поэтов и литераторов расстались со своим любимым делом, подались в коммерцию, спились от отчаянья, ушли из жизни. Отчего? От беспомощности в сложившейся ситуации... Простой пример: я сижу у себя дома, раздаётся телефонный звонок, снимаю трубку – на проводе молодой человек из района. Он пишет стихи, хочет их кому-нибудь показать, узнать мнение профессионалов. Куда ему обратиться? В Советском Союзе для талантливой молодежи постоянно устраивались творческие семинары, совещания: ребят собирали, предоставляли им гостиницы или общежития, давали суточные. Молодые таланты наставляли авторитетные писатели, поэты. Теперь творческие организации по всей России лишены бюджетной поддержки, так откуда, спрашивается, мы возьмем деньги, чтобы хоть раз в год организовать подобное мероприятие? Вот недавно у наших писателей со стажем появилась идея провести литературные встречи с читателями с приглашением литераторов из соседних областей типа прежних праздников литературы, в данном случае праздника, приуроченного к 420-летию Тюмени. Составили смету, пошли по инстанциям. Куда ни обращались – глухая стена. У художников, а их много среди моих друзей, – те же самые проблемы: нет общения в своем кругу, нет выставок, нет нормально-го живого, созидательного процесса.

– О какой культуре может идти речь, когда в стране до сих пор нет закона о творческих союзах? О его необходимости много говорят, но принять в Госдуме никак не могут. У нас же сейчас куда не ступи, сплошные чиновники, их во много раз больше, чем в бывшем СССР, хотя мы с того времени потеряли шестую часть своей территории. А чиновнику, как известно, чтобы что-то решить, нужен закон. Без закона нет и разговора.

В Тюмени на улице Осипенко, 19 находится Дом писателей, теперь уже бывший... В него вселилась другая организация, за писателями остались две комнаты! Но проблем не убавилось. При отсутствии прежней финансовой поддержки, в которой нам отказали несколько лет назад, организация писателей лишилась необходимых бухгалтеря, литературного консультанта (для работы с рукописями), с молодыми талантами. Председатель (ответственный секретарь) вынужден держаться еще на «общественных началах», чтоб организация не закрылась вовсе. Мы живем в богатейшей области, так неужели трудно найти триста тысяч рублей в год, чтобы содержать наше помещение, иметь возможность выезжать в командировки, проводить литературные мероприятия. Да и сделать хоть небольшую зарплату двум-трем необходимым для работы штатным сотрудникам? Такие вопросы без труда решаются на местах: например, губернатор Орловской области Егор Строев повысил своим членам Союза писателей месячные стипендии до пяти тысяч рублей. В Перми, Кемерово (даже в бедном Кургане) исполнительная власть помогает материально своим писательским организациям. И в Ханты-Мансийском автономном округе наши коллеги получают финансовую поддержку, а писатели-пенсионеры – добавку к пенсии. Выделяются средства на проведение литературных мероприятий Всероссийского размаха, на издание книг. Вот и подумайте: человек спокоен, потому что имеет хлеб и молоко, он может забыть о проблемах выживания и отдаться написанию хорошей книги...

Интересуюсь у Николая Васильевича: так ли уж замечательно жилось писательскому братству в советские времена? Отвечает, что нормально жилось, по крайней мере тем, кто не уходил в диссидентство, не занимал враждебную позицию по отношению к существующему строю.

Но и было «поколение дворников и сторожей». Высокие гонорары, на которые можно достойно прожить, быть спокойным за рабочим столом, получали только современные классики. Авторы поскромнее, чтоб иметь время и возможность независимо творить, пополняли ряды представителей неквалифицированного труда. По сравнению со многими из них Николай Васильевич устроился удачей: ходил в плаваче матросом, затем корабельным кок-поваром на «Северном сиянии», позднее сумел попасть в экипаж торгового судна, отправляющегося в «загранку». Вот уж что было действительно трудно... Сейчас он только головой качает, вспоминая, какие пришлось преодолеть «рогатки». Инстанции прошел вплоть до ЦК КПСС, хоть и не был членом партии. Дело, впрочем, того стоило: время, проведенное на флоте, подарило ему незабываемые впечатления и свободу для размышлений.

– Мой сборник стихов «Штормовая погода» вышел в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Восхождение» в начале 1990-го. Это было что-то вроде награды: гонорары не членам Союза писателей составляли 70 копеек за строчку, членам – 1 рубль 52 копейки,

Н. Денисов с дочерью Наташей

а лауреатом Государственной премии – 3 рубля. Мой гонорар за строчку достигал двух рублей пятидесяти копеек, то есть почти приближался к лауреатскому. Помню, когда мы шли Датскими проливами, я с корабля звонил в Москву редактору, спрашивал, как там мои дела? Он мне сообщил, что расчет за вышедшую книгу должен составить около двенадцати тысяч рублей советскими деньгами. Я обрадовался, решил, что наконец-то настало мое время засесть за толстую повесть. С полученных денег я раздал долги, съездил отдохнуть с женой. Друзья настоятельно советовали купить машину, но мне очень хотелось обеспечить себе несколько лет литературной работы за письменным столом... Увы, не удалось: реформа 1 января 1992 года все сбережения превратила в ничто.

Денисов не слишком сожалеет о своих старых потерях. Больше его беспокоят потери нынешние, общие и, если ничего не изменится, потери грядущие. Беспокоит, что возраст под пятьдесят считается молодым в писательской организации. Беспокоит, что резко упал критерий творческой оценки для приема в профессиональный союз. Когда он сам в него вступал по рекомендации Всесоюзного совещания молодых писателей в 1975 году, в области от Ишима до Харасавзя было всего десять членов Союза писателей СССР, каждый был с именем, на виду, организация была крепкой, авторитетной в Союзе, теперь по Тюменской области – около ста человек с такими «корочками» члена СП.

– Грустно констатировать, но принимали в СП авторов производственной, технической литературы. Недавно обратился ко мне автор брошюр по пчеловодству и огородничеству. Можно смеяться, но это следствие нашей «деятельности» в пору перестройки...

Работа со словом – это божий дар, а нынче почти любой, кто движим амбициями, имеет шанс прорваться в писатели. И приёмная коллегия в Москве в этом вопросе снизила планку, своих проблем выживания в Москве много, не до провинции... Но я, с тех пор как занял пост ответственного секретаря организации, имею больше возможностей не только поддержать талант, но и чтобы наши ряды не пополняли люди мало одаренные. Союз писателей был и должен оставаться союзом профессионалов, авторов оригинальных художественных книг. И в то же время должен иметь возможность помогать профессиональному росту талантливых молодых.

Да, сейчас легче стало с изданием книг... Областные власти, в частности департамент информационной политики, возглавляемый Александром Новолапшиным, помогает нам в этом деле. Это очень хорошо, но что дальше? Чтобы на книгу обратили внимание, чтобы она дошла до читателя, надо заниматься ее пропагандой, распространением, прежде это было заботой государственных структур. Я мечтаю о том, чтобы творческие люди однажды сели вместе с представителями власти и поговорили о наиболее важном. Ведь если наши проблемы не устраняются по всей России, можно попытаться что-то изменить здесь, на месте. Мы не оппозиционеры – критикуя негативные стороны жизни, мы не выступаем против Отечества, против власти, если она ведет разумную политику. Напротив, как и она, боремся с совершенно объективными недостатками только собственными, подвластными нам методами. Мы не разорим областную казну, нам не так много надо: обновлять впечатления, бывать в командировках, встречаться с коллегами и читательской аудиторией

ей. Сейчас чтобы выжить, некоторые из нас пишут книги о частных лицах, бизнесменах, начальниках, но хотелось бы, чтобы писательский труд этим не исчерпывался.

О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Поэт, прозаик пишет о своем внутреннем мире и о том мире, который его окружает. Пишет о той сфере, которую лучше всего знает. Недавно, например, вышел сборник рассказов Бориса Комарова, таксиста и литератора. Так рождается портрет времени. Говорим об этом с Денисовым...

— А я собрал под одну обложку стихи «ельцинского» периода, издал небольшим тиражом сборник «Поножовщина». Как бы «отрубил» уходящий период бытия. Много, хотя и не все, меняется в атмосфере жизни. И Тюмень уже не та, что была раньше, — разрослась, похорошела до неузнаваемости. А все-таки свою теперь уже давнюю повесть «Пожароопасный период» считаю незавершенной. В 1986 году писал ее и порой хохотал над тем, о чем пишу: таким забавным казалось все, что происходит вокруг. Думал: перестройка эта закончится, и жизнь у всех наладится. А вместо этого что началось?..

Мысли о текущем периоде? Хорошо... Вот мы сегодня рассуждаем о построении гражданского общества, и мне сразу вспоминается, как в последние десятилетия советского периода строили коммунизм. Примерно тот же посыл в будущее... В моем понимании — это общество, где свободен и уважаем законопослушный гражданин. Где нормально развивается производство. В городе, на селе. Работающий человек, студент, пенсионер уверен в завтрашнем дне. В том, что армией и флотом он надежно защищен. Какое же гражданское общество мы нынче строим, когда не определились: а что же строим?! Что за государство, с какой идеологией? Чиновничество заполнило все соты бытия. Сотни охранников — в черной, камуфляжной, милицмейской формах. Крепкие мужики, им бы работать, производство, страну поднимать. Но — охраняют... Кого? К примеру, рыночную торговлю, что сплошь в руках красавцев джигитов с Кавказа, занятых перепродажей, где сибирякам — русским, татарским бабушкам с пучком редиски с дачного участка или бутылью молока от собственной коровы места нет. Их попросту гоняет наша родная милиция...

Далее. Кругом очереди в кабинеты, в кабинетах фиксируется, переносится со всей тщательностью в компьютер каждая бумажка, компьютеры постоянно «виснут», от этого людские толпы в кабинетах растут и растут... К слову сказать, при «всеобщей компьютеризации» возникли очереди в налоговых конторах, в билетных кассах, на почте, в сбербанках, в пунктах оплаты за телефон, за квартиры. А что делается в многочисленных конторах по приватизации квартир! Какое-то броуновское движение людских толп! Не загоняет ли себя человечество в угол развитием сего технического прогресса?! Компьютер, конечно, благо, но... А если «зависнет» эта техника сразу и вдруг, к примеру, у всех авиадиспетчеров или в другой небезопасной сфере?

Нет, я поверю в возможность создания гражданского общества, когда государство, при условии соблюдения мною его законов, не будет ущемлять моих прав на свободу, свободу слова в том числе, на работу, зарплату, прав моих детей на бесплатное образование, медицинское обслуживание и т.д. Гражданское общество — это общество социальной справедливости, а о какой справедливости мы говорим в стране, где столько олигархов, где такое дикое расслоение между богатыми и бедными, какой нет ни в одной стране мира? «Справедливости» — одно из ключевых слов в моей жизни. Я выходец из крестьянской семьи, и отец с детства вкладывал нам стремление к ней, к справедливости. Между прочим, это желание справедливости — основа всех противоречий в обществе. Иногда для ее достижения мне хочется пойти на баррикады, но нет, любые революции разрушительны, и мне же все-таки ближе эволюционный процесс. Я стараюсь влиять на ситуацию словом, хотя и понимаю, что идеалы Льва Толстого, некогда думавшего, что после того как человечество прочтает «Войну и мир», оно изменится к лучшему, абсолютно недостижимы. Но я должен говорить, должен писать, иначе как я еще могу выразить все, что чувствую?

Не так давно я стал членом Гражданского форума Тюменской области. С работой его мало еще знаком. Хочется надеяться, что рекомендации форума — не пустой звук для органов власти, что к его мнению прислушиваются, потому хочу на одном из заседаний форума озвучить проблемы нашей писательской организации и предложить вместе поискать пути их решения.

Перепечатано с некоторыми сокращениями и уточнениями из журнала «Сибирское богатство», № 9 (47) 2006 г.

Уго Чавес против североамериканского дьявола

«Вчера дьявол приходил сюда. Прямо сюда. Он был здесь, на этой трибуне, и стол, напротив которого я стою, до сих пор пахнет серой».

Николай Денисов

ГАВАНА

*Разбитная старушка, с ней внучка или дочь,
В ожидании рейса калякаем.
Революцией пахнет гаванская ночь,
Керосином и всячиной всякою.*

*Ожидание рейса. Уснуть бы, прилечь,
Но барбудосы шляются разные.
И главенствует — нет, не испанская речь,
А российская, русская — праздная.*

*Сейнерили ребята. И вольную пьют.
Ты ж болваном сидишь как потерянный,
А возникнешь под пьяную руку, убьют
И не вякнешь, как палтус ошкеренный.*

*Разбитная старушка, ты лучше завянь.
Дочка-внучка, отстань с разговорами,
И закрой свои ножки и зло не тарань
Рыбачков колумбийскими взорами.*

*За окошком тропическая канитель,
Непогодные — что ли? — условия.
Где-то спать собирается Кастро Фидель,
Парабеллум кладет в изголобие.*

*Ожидание рейса. Угрюмый момент.
В тесном зале мурманская лексика.
Но Россия закрыта. И Ньюфаундленд
В гололеде. Свободна лишь Мексика.*

*Будь что будет. Исходит кубинская ночь.
Притомились мои иностраночки.
Угнездилась старушка, а внучка или дочь
Тянет медленно «пепси» из баночки...*

1993

Лидия Бондарева

«Вновь душа родилась...»

НИКОЛАЙ

«Ну, что ж, не вышло счастья
через край»,
Мы разошлись, друг другу
став дорожке.
Из всех святых
один лишь Николай –
Угодничек ко мне был расположен.
Я это имя сердцем берегла,
Как тайного
неразделенность чувства.
От нелюбви старела и жила одним
Прекрасным ожиданьем чуда!

ИДУ

Сквозь белые зрачки – иду;
Сквозь злые язычки – иду;
Сквозь пошлости плевки – иду;
Сквозь строй: глаз,
ничего не видящих,
Сердец, всех ненавидящих;
Тел, от страданий высохших, –
сестрой.
От верящих – к безбожникам,
От судящих – к заложникам,
От накопивших –
к должникам иду.
Сестрою милосердию
от будней к воскресению
Иду...
1975–2002

СНЕГ

Как суетен и жалок человек,
Под ноги свиньям
высыпавший бисер...
Но мир обыкновенный
вдруг возвысил
И озарил, утешив, первый снег.
Казался он
непостижимо прочным:
Подарок неба – чистого холста.
Летел, сиял, нетронут, непорочен,
Как все, в чем обитает чистота.
1979

ОЖИДАНИЕ

Я жду поры, когда к тебе привыкну,
Когда уйдет из сердца эта боль,
И сердце пощадит Амура выстрел,
И в нем останется одна любовь.
Как мало времени до нашей встречи,
Как много для терпения дано!
И все-таки, мой друг, пока не вечер,
И сердца боль с любовью заодно.

ИМЯ

Кричали гости: «Лица, пей до дна!
Отведай виноградного вина!»
Лил виночерпий золотой «мускат»,
Я не пила, мой пустовал бокал.
Застолье без вина? А щедрый брат
Всё угощал. Он был приезде рад.
Мы находились третий день в Крыму
И не успели надоесть ему.
По долгу дружбы или невзначай
Гость поздний
напросился к нам на чай...

Был необычен – отстраненный лик...
Он мне в бокал свое вино налил,
Сказал: «Не бражник я, не винодел,
Лишь жажду Вашу утолить хотел...
Прими бокал. И пусть вино твоё
Никто из смертных
в жизни не прольёт,
Ведь, радуясь, ликую и любя,
Подарок этот создан для тебя!..»

Прости, что отказаться не смогла:
Свое я имя «Лидия» прочла!

ВЕТРЕННОСТЬ

Опустимся на землю.
Согрей так хочется:
Забиться, насмеяться,
По улицам весенним нагуляться,
Где солнце и деревья. Хорошо!
Вернуться в комнату – поцеловать
Глаза твои и губы покаянно,
Пить ром, стихи красивые читать
И танцевать под звуки фортепиано.
Как хороши сегодня, милый мой,
Дома, деревья, свежий шальный ветер,
И день такой по-детски озорной,
И радость,
что его проводим вместе.

1990

АНГЕЛ

Я знаю – ты стоишь передо мной,
Мой дивный Ангел
Жизни неземной.
Тень крыльев оставляя на снегу,
И я, как Ты, без Бога не могу:
Ни жить, ни петь,
ни подниматься ввысь,
Как здорово,
что мы с тобой нашлись:
Для Веры, Для Надежды, для
Любви...
1990

ОТРАДА

Опять я увиделась с вами – отрада
На душу, на сердце, ласкаясь, легла.
И непостижимо в них
царствует радость,
Как будто печаль никогда не жила.
О, Господи, где бесконечные муки,
Внезапные слезы, стенанья мои,
И как непривычно,
что горечь разлуки
Уже не сопутствует нашей любви.
Я так ухожу, словно вновь возвращаюсь,
И так убегаю, как будто всегда
Вас не покидала...
Возможно ли? Счастье
Весной улынулось и мне, господа,
Забавной, наивной,
не раненой птицей,
Птенцом голубиным,
чуть влажным от ласк
Весенней капели.
Такое присниться во сне не могло:
Вновь душа родилась.
Что раньше
кликуха шальная кричала,
Не вышло.
В тираж – огорченья мои.
Надежда и Вера –
начать все сначала:
Душа родилась для стихов, для любви!

ПРО НАС

Я никогда так страстно не хотела:
Любить, лелеять и не предавать
Твои глаза, лицо твоё и тело,
Не требовать, а только отдавать.
Я знала то, что ты болел ветрянкой,
Я целовала оспинки твои.
О, радость – просыпаться спозаранку.
Чтобы успеть сказать слова любви.
Я никогда так глупо не светилась
Перед людской печалью и тоской.
А ты зашел на час и загостился,
Прожив так много трудных лет
со мной.

1979–2002

Салехард – Тюмень – Москва.

➤ НОВОЕ ИМЯ

Амирсеит Даутбеков

ДАУТБЕКОВ АМИРСЕИТ БЕКМУРЗАЕВИЧ родился 16 августа 1946 году в Казахстане. Детские годы провел в посёлке Подгорный, юношеские годы прошли при интернате в селе Первомаевка Чимкентской области.

В 1968 году окончил педагогический институт имени Н.В. Гоголя в Кызыл-Орде. Работал учителем физики, зам. директора школы в городе Джамбуле Казахской ССР. После переезда в Западную Сибирь, начал работать учителем, директором школы, заведующим районо, получил второе образование – учитель основ безопасности жизнедеятельности. В Западной Сибири – 25 лет. Награжден знаком «Почетный работник Министерства образования Российской Федерации».

Писать начал с 1983 года. Основная цель – составление генеалогии своего рода, которую закончил в 1997 году. Первая публикация его рассказов о природе состоялась в газетах «Варта», «Местное время», печатался в окружном альманахе «Эринтур», газете-журнале «Тюмень литературная».

А. Даутбеков автор книг «Золотой дождь», «Писатель в рабочей спецовке» – очерк о Н.П. Смирнове, «Древо жизни».

Живет в Нижневартовске.

1

Еще в поселке, в середине зимы, он почувствовал себя плохо. Зная, что приближается конец его жизни, волк собрался в последнюю, дальнюю дорогу. Обошел сельский домик, лизнув руку младшему, любимому внуку деда, ушел на зимнее стойбище. Дорога заняла почти два дня. Бывало раньше этот путь пробегал всего за несколько часов. Отлежавшись на веранде охотничьего домика, волк пошел дальше.

Через Аган перебирался довольно легко, последний буран смел со льда весь снег, поэтому вдоль его берегов образовался твердый наст. А оттуда через холмы, гряды и беспорядочную волнистость, напрямую, через глубокие засыпанные снегом, крутые яры и овраги. Под конец пути волк совсем обессил. Мощный и сильный в недавнем прошлом, из последних сил подобрался к небольшому холмику, насыпанному в давние времена, и улегся рядом.

Заново принохиваясь к холмику, как это делал каждый раз, волк не ощущал знакомого запаха. Холм этот был самой высокой точкой Аганских увалов: немного пологий на юг, оглаженный с боков суровыми ветрами, талой водой, припорошенный нетронутым снегом. От незаметного бугорка веяло горьким одиночеством и тоской. Хотелось выть по-волчьи, но не хватало сил. Опустив голову на передние лапы, волк закрыл глаза: перед ним калейдоскопом вставала вся его жизнь.

На этой стороне реки родился, познал молоко матери, свет и тени. Первую неудачную охоту на белочку волк не хотел вспоминать, тогда сильно ударился головой об кедр. Но беспечная жизнь закончилась в один миг. В тайгу прилетела грохочущая птица. Оттуда раздались громкие выстрелы, после которых погибли родители, его брат и сестренки. Пуля и вертолет стали в нем сидеть всегда, как самое большое зло. Именно они были виновниками гибели его семьи, раны на задней ноге.

Пронзительную сильную боль, которую волк получил тогда от крупной

ВЕРНОСТЬ

Рассказ

картечины, тоже сохранилась в памяти. Помнил чужой, враждебный запах, спасший его от охотников, и руку, которая утихомирила боль на ноге. Этот запах, запомнившийся раз и навсегда, сидит в нем постоянно, особенно в ошейнике.

Рука хозяина никогда не обижала волка. Она давала ему рыбу после рыбалки, после удачной охоты доставались тушки белки, колонка или соболя. Особое удовольствие ему доставляла крупная соль, за ней охотились все звери в округе. Волк мог терпеливо, часами ждать зверей, приходивших попробовать соль, которую прятал хозяин под верандой домика.

Долгими зимними вечерами, пока горел огонь в железной печке, хозяин громко говорил с ним о чем-то своем. О чем была речь, волк, конечно, не знал, но помнил, как хозяин монотонно затягивал песню и всегда кашлял на высоких нотах. Еще помнил, как на него набрасывались все собаки поселка, но хозяин никому не давал его в обиду. Своих собак волк не любил, но, зная, что они являются собственностью хозяина, не трогал их. Позже охранял хозяина и вел его от магазина домой.

Бывало, хозяина не пускали домой, так он спал на веранде вместе с ним. Только ранней весной, когда у него закипала кровь, уводил в тайгу красивую самочку из собак хозяина, бегал с ней до умопомрачения. Возвращался домой всегда с понурой головой, зная, что хозяин не будет ругать, только глянет, отвернувшись, цыкнет сквозь зубы... Вспомнил, как ловил с ним соболя, брал медведя, гонял лосей. Ему было в удовольствие бегать за подбитым глухарем, рычать на белку под выстрел винтовки, но за всем этим всегда вставали добрые и плутоватые глаза хозяина.

2

Его хозяина звали Максим. Когда мы встретились, он отвел меня в сторуно и спросил, как меня зовут. Услышав мое имя, скривив лицо, сказал:

– Помнишь нашу первую встречу на Агане, с тех пор не могу запомнить твое имя, ты уж прости меня. Я – Максим, если не забыл, зови меня просто Максимкой, ладно? А имя твое трудное. Все зовут тебя за глаза Князь, давай, и я буду тебя звать Князь, ладно? На что будешь охотиться, на лося или медведя? Как на глухаря? Однако, ты не охотник, просто любитель, пришел, пух-пух, взял птицу и домой. Зачем тогда в тайгу ходить, ноги портить, не знаю?

Максим прожил довольно суровую жизнь, но при всей своей непредсказуемости, охотничий фарт никогда не изменял ему. Чтобы выжить, добывал. Добывал лося и оленя, чтил «хозяина» тайги, потом, помня о богах леса, неба и воды, пел им песни, соблюдал обряды. Утром, рано вставая, благодарил Торума, самого главного бога ханты, за то, что живой и здоровый. Засыпая, просил у него, чтобы ему завтра повезло. Остатки хлеба не выбрасывал, собирал их, выносил на веранду. Максимка знал, что прилетит соседка-синичка и всё подберет.

Вел себя осмотрительно, за ним стояла его семья. Пожилой человек редко бывал в поселке, не нравился ему образ жизни нынешнего поколения. Последний год сильно болел, но к осени приободрился. Осенними вечерами таежник рассказывал мне различные эпизоды жизни. Показывал пальцем на волка и говорил, что он вырос вместе с лайкой, сначала признавал её за главного, а потом и его, Максима.

В лес не уходил, а если звал его, то волк всегда приходил на зов. Не прямо, как все собаки, исподволь и издалека наблюдая, всегда сзади. Передавал всех крыс во дворе. Увидит ее, лежит неподвижно, может долго ждать, но, если подбежала на расстояние прыжка, ей не уйти. Дальше Максим

почему-то вспомнил, как тонул, как охотился на соболька, и вздыхал по моей старшей дочери.

Охотиться уже не ходил, всё приговаривал: «Ноги болят, зубов нет, кушать нечем. Чего-то живот болит. Наверно, пришла пора, помирать надо». В пригожие дни садился на завалинку, радовался солнцу и ждал моего возвращения с охоты...

Теперь все это в прошлом.

3

Тот, кто лежит здесь под небольшим холмиком на высоком Аганском увале, являлся большим моим другом, которого я звал Максимкой. В ту зиму, он тщательно оделся, надел кисы, выделанные из чулков лося, и оленью дошку. Застегнул, украшенный бисером, кожаный пояс, пристегнул к нему неразлучный охотничий нож. Огляделся по сторонам, замечая то, что не видел до сего дня. Достав из кармана крепкий сыромятный ремень, привязал упиравшего собаку-волка к высокому крюку, подпер дверь осиновою палкой и ушел в тайгу, оставляя четкие следы на снегу.

Добирался до намеченного места долго, глубокий снег отбирал последние силы и без того ослабевшего человека. Его тянуло на самую высокую сопку Аганских увалов, у подножия которой когда-то нашел раненого волчонка. Тогда охотник назвал его Князем, отобрал мою кличку. До него и при нем у хозяина было много различных собак: одни умерли от старости, других уводили волки, третьи погибали в схватке с лосем или медведем.

Но никто не был так верен ему, как этот волчонок, ставший волком и помощником в охотничьих делах. В самую трудную минуту из всех разбежавшихся собак именно он кинулся навстречу медведю, отвлекая его от хозяина, который успел перезарядить ружье и застрелить дикого зверя. Волк никогда не лаял на зверя, отвлекал его внимание на себя, давая хозяину возможность подойти близко к зверю и сделать точный выстрел.

Единственно, чему научился, так это, подражая собаке, тявкать на бортовую дичь. Тявкнет, подавая голос, и замолчит, слушая шорохи леса. Тявкнет и кружит вокруг кедра, привлекая внимание глухаря на себя. Четвероногий друг из урмана стал кормильцем, надежным помощником и спутником в вечной тайге.

4

Волк, перегрызая сыромятный ремень, разбив окно, ушел по его следам в сторону увалов. Нашел хозяина на холме, у подножия тогда еще живого кедра. Охотник сидел на корточках, словно хотел передохнуть от дальней дороги. Оленья дошка скрыла все тело, кроме лица. На лице светилась последняя улыбка, улыбка уже давно начатого и законченного дела на земле. Волк со всего маху уткнулся в тело хозяина, но запах дал ему понять, что его

уже нет в этом мире, остались только бранные останки. Присев возле него, долго и отчаянно выл, прощаясь с близким человеком.

Князь верно охранял тело еще трое суток, пока сыновья хозяина по следам и вою волка не нашли своего отца. Развели костер, чтобы оттаяла земля, принесли с реки камни и толстые доски, похоронили отца, как могли и как умели. А волк каждую весну, после таяния снега, и осень, после первого снега, убегал из поселка и жил здесь три дня, охраняя холмик. Помнил его запах в теплой, талой и мерзлой земле.

Полежав возле холмика на снегу, волк почувствовал облегчение, которое сменилось тревогой. Вдруг хозяин встал и ушел на зимнее стойбище? Вдруг сидит дома и ждет его, как раньше? Он начал копать передними и задними лапами снежную яму, пока не добрался до мерзлой земли. Нет, земля нетронутая, есть там далекий запах хозяина. Его хозяин лежит под этим холмиком!

Высунув голову из снежной норы, волк огляделся по сторонам. Все засыпано снегом: и узкий распадок, и раскидистый овраг, и покатый лоб увала. Тут же стоял крепкий кедр над его головой, предвещая мерзлыми иголками недалекую весну. Утопав снег под ногами, снова обессиленный, волк улегся в снежной норе рядом с холмиком. Иногда, по-щенячьи визжа или по-волчьи подвывая, вспоминал острые моменты своей жизни.

5

Стая местных волков, который год бродившая на этих холмах, услышав поздней ночью, далекий вой не то волка, не то собаки, резко остановилась. Дикие звери долго стояли на месте, принюхиваясь к запахам леса, пока самка, что вела голодную стаю на очередную вылазку, не свернула с нахоженной тропы в урман. Ступая след в след, прислушиваясь к извечному шуму тайги, проверяя все тени в округе, добрались до увала, где в дремотном сне повизгивал их бывший сородич. Дикие звери выждали время, проверяя поляну, осторожно подошли к вырытой снежной ямке. Молча обступили его, подозревая здесь какую-то ловушку, ждали, когда шевельнется волк.

После особо продолжительного стона, волк пришел в себя и поднял голову. На него смотрело семь пар, светящихся в ночи глаз. Волчица, поняв слабость волка, прыгнула в яму, а за ней и молодые волки. В снежной круговерти, поднятой дикими зверями, поднятый волк все же нашел силы. Упреждая последнее мгновение своей жизни, успел вспороть волчице живот, перед тем как его успели разорвать волки. Погибший волк оказался не в меру отощавшим. Голод, терзавший дикую стаю, лишь увеличился.

Волчица, неистово закружившаяся в яме, упрямо старалась дотянуться до живота, откуда толчками струилась

кровь, и вываливались кишки. Потом залегла, забываясь подальше в снег. Молодые волки заметили её лишь тогда, когда обглодали все кости тощего волка. Едва увидели кровь, хлеставшую из страшной раны, как немедленно набросились на волчицу. Прошло совсем немного времени. От дикого зверя, что была их матерью, родившая и вскормившая их своим молоком, вырастившая их бесстрашными и беспощадными, остался только кончик хвоста и четыре затвердевшие, жесткие подошвы с когтями.

6

На вершине округлого холма, что стоит посредине Аганского увала, насыпан небольшой песчаный холм. Увал хорошо виден среди нагромождений тайги, особенно та часть, на которой стоял когда-то высокий, одинокий кедр. Сейчас его уже там нет, молодой березняк, вперемежку с елью, осиной и сосной, занимает весь этот простор, да и палка, что воткнута тогда у вершины холмика, постоянно падает.

Здесь, у самой могилы своего хозяина, погиб волк по имени Князь. Правда, об этом никто не знает. Около холмика валяется кожаный ошейник, обгрызенный мышами. Его давным-давно на шею этого волка повесил я, добавив от себя с десяток шилообразных, стальных пеньков на ремень для защиты яремной вены волка во время драк. Хозяин так и не сменил ошейник волка, сохраняя его в память обо мне.

Всякий раз, когда приезжаю сюда на охоту, поднимаюсь на холм, втыкаю подгнивший шест на место, наливаю в алюминиевую кружку сто граммов водки, на него ставлю хлеб. Закурив сигарету, сажусь на ствол упавшего и почти сгнившего кедра, вспоминая время совместной охоты. Читаю свою молитву про себя, которую заставил выучить меня дед, и прошу у Всевышнего, чтобы детям и внукам Максима жилось хорошо. А над головой мягко и величаво пошумливает невозмутимый сосновый бор, гулко гудит ель и шушукается березняк.

Анатолий Иванович Васильев – известный в Тюмени писатель, автор многих поэтических сборников, романов, краеведческих и публицистических статей. Последние несколько лет он редактор литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири». Несмотря на солидный возраст, Анатолий Иванович полон сил и энергии, много трудится.

Он до сих пор влюблён в Ишим. Хотя, казалось бы, город этот так далеко позади – где-то там, в середине прошлого века палехской картинкой вырезается из пространства среди бескрайнего бушующего хлебами поля, накрытый полусферой ослепительного, дышащего голубизной неба, и ты бежишь по крышам вагонов навстречу ему. И даже не бежишь, а летишь, перепрыгивая обжигающие жутью провалы между вагонами, летишь вместе со стремительно приближающимся к окраинам поездом, хватая полной грудью горячий, приправленный угольным угаром паровозного дыма воздух степей.

Ишим – как выдох после изнурительного, сжимающего сердце нырка на спор, после которого в лёгкие врывается опьяняющая волна кислорода, и ты, обессиленный, покачиваясь на волнах, не можешь насытиться им. Человек прирастает своим детством к родине. К её домам, к улицам, к речке, к лесу. А еще к людям. Ишим был на удивление русским городом, во многом и потому, что в его дворах и на улицах польская речь мешалась с мадьярской, немецкая с китайской. Живая география мира толпилась у колонок с ведрами и флягами, пересекалась на пути в магазин и в школу.

Там, в двухэтажном домике, в самом центре, на улице Ленина, ныне Большой Садовой, в семье мастера-дорожника Ивана Михайловича Васильева родился 6 декабря 1936 года сын Анатолий. О ближайшей родне в семье говорить было не принято. Довелось увидеть разве что деда по отцу – бывшего кадрового офицера царской армии – и то только с неделю. Вернулся тот из трудармии в конце войны, казалось, еще бодрым и весёлым, на самом деле – на одной радости, которой и хватало-то на несколько дней жизни.

Тогда семья жила уже в Безруково, куда было в 1942 году переведено дорожное управление, в котором работал отец. Село это старинное, здесь 22 февраля 1815 года родился великий сказочник Петр Павлович Ершов. Но о нём уже мало что напоминало. Даже из церкви, о постройке которой хлопотал он, будучи директором народных училищ Тобольской губернии, сделали зерносклад. Возле неё, возле сохранившегося ещё ветряка со скрипачами, крутящимися огромными крыльями играла деревенская ребятня в войнушку, по законам жестокого времени беспощадно швыряя друг в друга камнями, разбивая головы и нанося нешуточные ушибы и синяки.

В 1952 году умерла мать Евгения Павловна. Произошло это, когда Анатолий Иванович после семилетки отучился первый год в Свердловском политехникуме. Смерть эта окончательно оторвала от семьи, подтолкнула подростка к самостоятельной жизни. Тем более, что отец после этих трагических событий несколько раз заводил новую семью. Девятый класс пришлось заканчивать на станции Карасульской, десятый – в Ишиме.

➤ ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

«Я старый русский офицер и старый русский врач»

В Ишиме пришла, накатила, как девятый вал, настоящая поэтическая слава – был ли когда потом такой захватывающий, продирающий до самых глубин восторг при виде напечатанных в газете строк? Ах, милая сердцу, незамысловатая районка, отдающая укромные уголки под гнёздышки стихов, сколько счастья ты подарила юному сердцу! А уж когда в 10 классе стал победителем конкурса «Алый парус», проводимого всесоюзной молодёжной газетой «Комсомольская правда», голова не на шутку закружилась. Ходил, отрастив по самые плечи волосы, запрокидывая назад крупную голову в невероятной, почти как у Раскольникова, шляпе, на уроках смотрел на учителей снисходительно, с тайным чувством превосходства. Смешно это сейчас вспомнить Анатолию Ивановичу, а тогда попробовал бы кто хотя бы улыбнуться – битва была бы нешуточной, до большой крови.

После окончания школы поступил в Уральский университет на историко-филологический факультет, но учиться не смог: на сельхозработах порвал ботинки, приобрести же новые оказался не в состоянии. Пошел трудиться... преподавателем немецкого языка в Тоболовскую семилетнюю школу. Страсть к языкам была врождённой: он и не учил их, а впитывал из воздуха Ишима, как сахар влагу.

Два года – в Омском военно-медицинском училище, год – в Киевском. Училища эти готовили фельдшеров для армии. Программа училищ сохранилась с небольшими изменениями с дореволюционных времён. Дисциплины преподавались, помимо медицинских и общевоинских, самые экзотические: правила поведения за столом, в общественных местах, учили двигаться, танцевать. Особенно запомнился Киев, где училище располагалось под сводами старинного Екатерининского дворца. Когда дамы и кавалеры под звуки старинной музыки скользили по начищенному до блеска паркету танцевального зала, казалось, что два века просто вычеркнуты кем-то из истории. Дамы, правда, приходили из института легкой промышленности, но разве это меняет суть дела? «Я старый русский офицер / И старый русский врач», – напишет гораздо позднее, в наши годы, поэт Анатолий Васильев, и слово «старый» будет указывать в большей степени не на возраст, а на преемственность великих традиций.

После окончания училища Анатолий Иванович прослужил в армии 4 месяца и по ликвидации офицерских фельдшерских должностей уволился в запас. Поступил в Омский медицинский институт. Омск становится для него любимым городом. Огромный, на десятки километров раскинувшийся по берегам Иртыша, с великолепными песчаными пляжами, широкими проспектами, сохранивший величественные старинные особняки, церкви и соборы производил он впечатление необыкновенное. Город жил богатой культурной жизнью – звенела молодой силой оттепель шестидесятых. Для Анатолия Васильева это было самое урожайное на поэзию время. Будучи литературным консультантом областной молодёжной газеты «Молодой сибиряк», находился он в самом центре кипения поэтических страстей.

Хотя вспоминается и другое. После знаменитого посещения Никитой Хрущевым художественной выставки в Манеже волна погромов приреченцев абстракционизма прокатилась по стране. В Омске под горячую руку первого секретаря промышленного обкома партии Горячева среди прочих западников попал студент 4 курса мединститута поэт Анатолий Васильев, умудрившийся успеть выступить в защиту свободы творчества на страницах своей газеты со статьёй «На табуретки табу редки». Досталось по полной программе. Даже самый невинный молодёжный эпатаж поэта: «Эй, вы, занявшие место сверху, Не глядите на мальчиков свысока: Даже самая высокая церковь Возводилась не с потолка» – был истолкован как политическая крамола. Заподозренную в симпатиях к буржуазному искусству творческую интеллигенцию собрали тогда со всего города в театре и распекали с утра до позднего вечера.

Но надо признаться, что до гонений дело не дошло. В 1963,

через год после этих событий, вышла первая книга – «Под одним небом». Всего 28 стихотворений, но столько радости! Ещё через два года в Новосибирске увидела свет книга стихов «Твоими тропами».

К этому времени, правда, Анатолия Ивановича вновь призвали в армию, где и пришлось отслужить ему полный офицерский срок. Плавал несколько месяцев на подводной лодке, совершал прыжки с парашютом, бывал на Сары-Шагане и Тюра-Таме, в просторечье именуемые Байконуром. С августа 1968 – преподаватель военной кафедры Тюменского медицинского института.

Тюмень после Омска оказалась глухим провинциальным городком. Дремали, незаметно утрачивая купеческий лоск, деревянные кварталы, даже в административном центре жизнь текла размеренно и неспешно. Рядом с мединститутом шумели в луговых просторах травы и в низинах, на болотцах, кричали утки.

Поэзия Анатолия Васильева удивительно гармонировала с окружающим пейзажем: в ней так мало было сиюминутного, спешного, на потребу дня. Любовь, дружба, красота и совершенство, состояния души и природы, родные ишимские просторы – об этом писал он, прекрасно зная, что вечные темы у редакторов не в чести. Были, конечно, и поездки на север, и выступления в рабочих коллективах, и творческие командировки – писательская организация радушно приняла в свои ряды молодого поэта.

В 1971 году выходит очередной сборник стихов «Завтра выпадет снег». Но постепенно увлечение поэзией становится в ряд с другими пристрастиями – следующая книга лирики «Ранний мир» выйдет только через шесть лет. Захватила наука. В собственноручно оборудованной лаборатории Анатолий Иванович проводит опыты в области токсикологии. Опубликовано 31 научная работа, из которых 27 – в центральной печати.

С новой силой вспыхнула страсть к истории. Для того чтобы читать архивные документы XVII–XVIII веков, пришлось самостоятельно изучать русскую палеографию. Повесть «С надеждою быть России полезным», вышедшая в 1986 году отдельной книгой, была первым результатом многолетних архивных изысканий. С 1987 года, после выхода в запас в чине полковника, Анатолий Иванович садится за писание романов. «Прошу тебя, Государь» – о судьбе Кондратия Фёдоровича Рылеева, «Казематы его крепостей» – о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере. Они выходят в 2000 году одной книгой.

В девяностые годы писатель Васильев увлекается издательской деятельностью. Газета «Казачья застава», журналы «Сибирский тракт», «Сибирское богатство», альманах «Врата Сибири» – все эти проекты были придуманы и воплощены им в жизнь. В 1988 году Анатолий Иванович основал Тюменское отделение российского Фонда культуры. В 1989 увидел свет очередной сборник стихов «Середина сентября», вышедший в Москве в издательстве «Современник», в 1998 – книга очерков «Ради прошлого и будущего». В 1999 году писателю присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В этом же году появилась книга его стихов «Вечерние птицы», в следующем – книга стихов «Я дальний путник», в 2002 – книга стихов «Осеннее небо».

Васильев активно занимался и занимается обработкой редких мемуаров: Стефании Витольдовы-Лютык «Хроника Сибирского исхода», Татьяны Белым «Вся человеческая жизнь», архивных документов, связанных с историей тюменского края начала XX века. Продолжает исследования биографий декабристов, тех из них, кто отбывал ссылку на территории Тобольской губернии. Им написан очерк «Отодвинутая судьба» о великом русском сказочнике Петре Павловиче Ершове – фигуре загадочной, мало исследованной, а потому привлекающей пристальное внимание.

– Последние годы, – говорит Анатолий Иванович, – как-то проще, естественнее заниматься историей родины. Малой, большой – для меня не существует таких понятий, которые, по моему мнению, ограничивают кругозор писателя. Родина едина, прошлое переплелось в нас, неразделимо, как корни молодых и старых деревьев. Когда-то, еще в студенчестве, я написал:

А мы с тобой самих себя не больше ли?

Нас время собирало не из крох:

В нас витязей Ледового побоища

И воинов Отечественной кровь...

Виктор Захарченко.

Александр Козловский

ПРОМЕТЕЙ

Прекрасная страна лежит за Эвксинским Понтом. Тихо плещут о песчаный берег игривые волны теплого моря. Резвятся в прозрачной теплой воде быстрые, как тень, любопытные дельфины, подставляя свои гладкие черные спины ласковым лучам южного солнца. По утрам, едва горизонт загорается пурпурным цветом – то восходит на небо лучезарная Эос – приплывают сюда любопытные nereиды, чтобы усладить случайно забредших путников своими чарующими песнями. Песнями, несущими в себе то безудержную радость, то глубокую печаль. А когда огненная колесница Гелиоса достигает половины своего каждодневного пути, открываются взору неподвижной грядой туманно-белых облаков сквозь синеву неба ледяные вершины Кавказских гор.

Блаженным кажется этой край, нет в мире человека, который бы не был сражен окружающей его красотой. Но нет здесь ни городов, ни селений. Лишь волны морские плещутся о пустынные берега, да тревожно кричат в небесах птицы. И забредший сюда вдруг встрепенется, словно вспомнит о чем-то важном, испуганно оглянется по сторонам и скорее спешит уйти прочь от этого страшного места.

Холодом, вечным холодом повеет вдруг с синеющих вдали высоких гор. Тут и там пробегут по волнам черные тени, мрачные тучи укутают солнце, от взмахов гигантских крыльев поднимется ветер, вспенится море – то летит, посланный Зевсом мощнокрылый орел. Летит туда, где уже тысячу лет среди голых скал-истуканов томится в оковах титан Прометей, подаривший людям огонь и знания.

Нескончаемы его страдания. Лежит он, распростертый на высокой скале, прикованный к ней мощными цепями. Проносятся над ним бури, хлещут дожди изможденное его тело, жгут его голову палящие лучи солнца, ледяной холод сковывает по ночам его члены.

Каждый день прилетает сюда орел. Медленно кружась, с громким клекотом опускается он к своей жертве, уверенный в своей безнаказанности и потому беспощадный; железными когтями терзает могучее тело Прометея, раздирает грудь, выклеивает печень. И громкие стоны возвещают миру о страданиях принесшего людям свет. Обагрят скалу потоками стекающая кровь. Застывая у подножья, она свертывается и невыносимым смрадом заражает воздух.

За ночь затягиваются раны, отрастает печень. А днем снова слышатся всплески гигантских крыльев, затмевающих солнце. Вновь прилетает беспощадный орел, чтобы свершить свою кровавую трапезу.

Годы, века проходят, но не кончаются эти страшные муки. Истомился могучий титан, но не сломили страдания его гордый дух. Знает Прометей, наступит время, придет великий герой и освободит его.

О, Русь! Родина моя! Не про тебя ли сказано: широкая и бескрайняя? Не про тебя ли сказано: великая и могучая? Не про тебя ли сложено это древнее предание? Как могучий титан несла ты народам свет. Не этим ли прогневила сильных мира сего? Приковали тебя к холодной скале. Орлиными клювами рвут на части твое могучее тело.

Где ж тот герой, что певучей каленой стрелой поразит кровожадного орла в самое сердце, могучей палицей разобьет оковы? Знаю, придет это время. И встряхнешь ты затекшие члены. И вздохнешь свободно широкой грудью, чтобы вновь нести людям свет.

Александр Козловский

Рыболов

Рассказ

Кто в округе Михалыча не знает! Второго такого рыбака еще поискать надо. Целыми днями на реке с удочкой пропадает. И не в пустую, не то что некоторые. Никто такого не припомнит, чтоб он, Михалыч, с реки да без рыбы вернулся. Раз на раз, конечно, не приходится, но с уловом всегда. Вот только есть у него одна странность: пойманную рыбу никогда сам не ест – все на продажу, а коль самому ушцы захотелось – в магазине себе рыбу берет. И вообще скуповат старик, больно деньги любит, хотя, кто их в наше время-то не любит; но рубля в займы не выпросишь: глаза в землю опустит, руками разведет – мол, извини, рад бы, да не могу, у самого за душой – ни-ни, уж не знаю даже как до пенсии дожить. И до того искренне говорит, что не только другие, но и сам почти верит, что неделю уже в руках копейки не держал. Даже забываешь невольно, что вчера собственными глазами видел, как этот вертявый старикашка какой-то толстой губастой бабе связку рыбы продал. Но тут оговориться следует: по справедливости цену за улов назначал, лишку не ломил никогда. Потому все у него с охотой и покупали и Степа Шубин да и все остальные соседи, за исключением разве дедушки ОМОНа да Кольки Шлеп-Ноги.

Но дедушка ОМОН – этот из солидарности с Колькой. А вот Колька Шлеп-Нога – тот, едва увидит, что Михалыч на углу у магазина устроится торговать (там у него специально для этого столик самодельный свой да ящик из-под бутылок вместо стула), так и заладит свое:

– Опять кровосос коммерцией занимается.

Но да такого шалопаю, как Колька, слушать – себя не уважать. Сам-то он, но о нем – в другой раз как-нибудь.

Живет Михалыч бобылем. Бабка его уж лет пять как померла. Дом в чистоте содержит. Всегда все прибрано, по местам разложено. А вот хозяйства никакого не держит. Раньше, когда бабка жива была, корову держали. А как бабка померла, он корову-то и продал. Мол, с ней хлопот не оберешься. И так проживу. Тоже верно; пенсия у него как у ветерана войны достаточная, да и прирабатывает. Зимой корзины плетет да метлы вяжет – продает на рынке, а как придет весна да стает на реке лед, все это сложит в сених – пусть до следующего года лежит – и на рыбалку.

Никто с ним в ловле на удочку состязаться не может. Хоть ты что делай! Мужики и места его высматривали, и всякие штучки заумные пробовали – все без толку. Хоть рядом с ним сиди с дорожущим заграничным спиннингом – вся рыба к нему на обычную деревенскую закидушку идет, словно загипнотизированная. И ловит-то на обычного червя и без всякой прикормки и прочих видимых премудростей, а только знай себе, лишь удочку успевает забрасывать. Да еще и посмеивается. Что ж ты, мол, Колышка (это он Кольке Шлеп-Ноге), так далеко от меня сел, поближе давай – все веселее, река-то общественная, значит, всякий может, где вздумается, рыбалить.

Одним словом – завидуют ему другие рыбаки. И Степан завидовал, хоть к заядлым рыбакам себя и не причислял...

...На поросшем травой холмике стоял на коленях мужичок в сером помятом пиджачке и таких же брюках и детским совочком разрывал землю; деловито ковырял зажатой в другой руке палочкой в земле, давил сырые комья, и вдруг поспешно отбрасывал совок в сторону, неожиданно быстрым для его возраста движением цепких пальцев выхватывал из земли толстого извивающегося червя. Держа червя двумя пальцами, зачем-то поднимал его вверх, смотрел на его движения, оценивая, как-то по-рыбьему беззвучно шевелил губами, будто и вправду собирался съесть его, одобрительно качал головой из стороны в сторону, наконец, налюбовавшись, опускал добычу в жестяную консервную банку.

Михалыч был настолько увлечен своим занятием, что не замечал приближения Степана. И лишь когда Степан подошел почти вплотную, вдруг встрепенулся.

– А, Степан... А я вот... – и замолчал; глаза его бегали испуганно.

– Так, значит, червей копаешь? – спросил Степан, чувствуя, как все внутри его буквально закипает, хоть внешне старался быть спокойным.

– Ага, копаю, Степушка, – ласково заговорил старик, – вона они тут какие... Жирные. Клев-то, Степушка, дело особое. И, видя, что Степан стоит не шевелясь, в упор глядит на него, попросил заискивающе: Токо ты, Степушка, не болтни кому, а? А я тебе рыбки... А хошь – бутылочку. У меня, как раз для хорошего человека припасена. Забеги вечером.

– Да пошел ты со своей водкой! Верно про тебя Колька говорит. Кровосос! – сказал Степан. Повернулся и пошел прочь. Настроение у него было испорчено.

– Ну, ты не больно-то! – крикнул ему вслед, уже успевший придти в себя старик, – не ляпни кому! Я-то тоже не промолчу, откуда ты уголь Варьке привез, а?

Но Степан не слушал. Он шел и думал. Как это можно червей копать... На кладбище. Да на том еще, где умершие во время войны от ран солдаты похоронены. На которых могилах и крестов-то уж нет. Может и его, Степана, дед спит сном вечным под таким же вот холмиком. А какой-нибудь... Кровосос!

День был испорчен. Мало того, что на работу опоздал – получил от мастера нагоняй, так еще и как на зло, только на линию выехал – сцепление порвал. Весь день провозился.

Вечером, после ремонта, сел, было, Степан со слесарями; по стаканчику пропустили, думал развеяться. Ан, нет. Видно, сильно случившееся в душу запало.

И в самом деле, увиденное им по утру никак не выходило из головы. Конечно, он не собирался, кричать всем о том, что увидел, просто все, чему он стал свидетель, никак в голове не укладывалось. «Правду говорят, что если меньше знаешь – жить спокойней, – рассуждал Степан. – Ведь так и так на работу опаздывал, думал, срежу через кладбище. Вот и срезал! Надо было, как всегда идти. А все же. Ну ладно бы пацан, какой до такого додумался. А то ведь человек жизнь, можно сказать прожил. Да ведь и воевал, ветераном войны считается. Вот те и ветеран! А может и впрямь прав Шлеп-Нога, утверждая, что всю войну Михалыч в снабжении прослужил, и что не столько потерял, сколько нашел – не один чемодан привез». Да и рассказы он это – по всякому получить может: кто не поверит просто, а кто... Вот этого Степан и боялся, что такие найдутся, что узнав про все, лишь рукой махнут: ну и что с того мол, мало ли что человек делает, лишь бы другим не мешал.

Да и уж и если быть совсем честным, последние слова Михалыча Степан все же услышал. Это на счет угля. «Черт его знает. И вправду капнет еще куда. Заметут ведь, разбираться не станут, перестройка – это в телевизоре, а ментам (он это не раз от них сам слышал) показатели давай. Чем больше преступлений раскрыл – тем лучше, а что там за преступление: серьезное что или по мелочи, им большой разницы нет. Доказывай потом, что уголек-то для Варьки, что она обещанный государством уже 8 месяцев ждет, а ведь сентябрь скоро, там и до холодов недолго, совсем бабка загнется».

Дома, пинком открыв дверь, гаркнул с порога:

– Жрать давай! И налей, коли есть что.

Перепуганная Татьяна, не понимая, что же это такое с ним случилось, но, прекрасно зная, что Степана, когда он в таком состоянии, лучше не трогать, быстренько спазила в погреб и достала бутылку. Степан до краев налил стакан (нравилось ему так, совсем как Соколов в «Судьбе человека» – он очень любил этот фильм), залпом осушил, не чувствуя почему-то крепости самогона (а самогон был добрый – сами для себя гнали). Разломил хлеб, откусил, зачерпнул из тарелки, поднес ложку ко рту и чуть не поперхнулся.

– Уха! Да я!..

Со всего маху саданул тарелку об пол – так, что только черепки в разные стороны брызнули.

– Ты чо? Совсем взбеленился! – возмутилась Татьяна, но на всякий пожарный отодвинулась подальше (кто знает, что у Степки сегодня на уме). – Чем тебе опять не угодила? Уха – как уха. В обед возле магазина у Михалыча взяла. По дешевке отдал. Тебе, – говорит, – Таня, в полцены уступлю.

– По дешевке!?!

Степан вскочил из-за стола, схватил с печной плиты кастрюлю с ухой, выбежал во двор. Выплеснул содержимое за забор – в ту сторону, где Михалыч живет, размахнулся, запустил кастрюлю куда подальше. Достал из кармана сигарету. В несколько затяжек выкурил ее. Достал вторую. Огляделся по сторонам. Небо было до обидного безоблачным и чистым, весело чирикали воробьи, откуда-то с реки доносились веселые крики ребятни. Семен докурив сигарету, вернулся в дом.

Жена уже успела прибраться.

– Татьяна, больше у Михалыча рьбу не бери, хоть за полцены, хоть задарма пускай предлагает – не бери и все!

– Почему б не взять, коль бесплатно?

– Дура, – только и сумел сказать Степан.

В углу у печи послышалась утробное «мя-ау» – это кот Василий, воспользовавшись случаем, пожирал остатки рыбы. Степан с удовольствием надал ему ногой, да так, что тот обиженно мяукая, отлетел к самому порогу и, не желая испытывать судьбу, поскорее скрылся в сених.

– Убери это и выбрось, – сказал он, указав на кошачью миску. – Ну что стоишь? – И, смачно плюнув на пол, добавил: – Дура!

г. Сургут.

Новые книги земляков

* * *

В давние теперь уж годы со своими яркими стихами входила в литературную жизнь Тюменского края Алла Кузнецова. Переехав из села в город, оставив работу в животноводстве, работала Алла дояркой в деревне Кузнецово Голышмановского района, она не просто вошла, а ворвалась тогда в жизнь и деятельность Тюменской писательской организации.

Затем годы интенсивного труда, учебы, перемена мест проживания: работала на Севере, в городских и районных газетах европейской части России. Задержалась надолго в Омске, где была принята в члены Союза писателей СССР. Примечательно, вступала в СП не как поэт, а как прозаик.

Сегодня Алла Васильевна Кузнецова живет и работает в своей родной голышмановской деревне Кузнецово. А недавно в издательстве «Исеть» города Шадринска вышел объемный роман А. Кузнецовой «Вечер».

Сердечно поздравляем!

* * *

Журналист и литератор Николай Максимович Ольков, выпускник Литературного института имени А.М. Горького, автор многих книг, рассказывающих о людях крестьянского труда. Он является «лучшим публицистом» 2006 года, получил на журналистском фестивале областную премию имени писателя К. Лагунова.

Среди публицистических и очерковых книг есть у Н. Олькова, также постоянно живущего и работающего в сельской местности – в Бердюжском районе, несколько книг рассказов и повестей. А недавно в издательстве «Исеть» вышла у него новая книга «Признаюсь, что живу», жанр этой прозы определен автором как «исповедь».

На одном из ближайших собраний тюменских писателей коллеги по литературному цеху обсудят новую книгу Николая Олькова. А также будет рассмотрен вопрос о приеме нашего земляка в члены Союза писателей России.

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Результатом договора о творческом содружестве, подписанного Тюменским региональным отделением Союза писателей России, Тюменским отделением российских писателей и ТАЛ (тюменская ассоциация литераторов), при поддержке областного Комитета по культуре, стали ряд творческих встреч писателей, поэтов с читателями Юга Тюменской области.

Литераторы Тюмени читали стихи и рассказы, отвечали на вопросы, рецензировали творчество молодых в аудиториях Тюмени, Ялуторовска, Заводоуковска, Ишима, п. Богандинка, Нижней Тавды. Встречи проходили тепло и взволнованно, напомнив о больших литературных праздниках, которые широко организовывались на Тюменщине в советский период, привлекая внимание всей страны и дружественного нам зарубежья.

В празднике литературы сентября – октября с.г. участвовали Анвар Исмагилов, Александр Кравцов, Николай Денисов, Анатолий Марласов, Николай Шамсутдинов, Александр Шестаков, Антонина Маркова, Нина Чуприянова, Анатолий Иванов, Нина Ющенко и другие.

* * *

Фото Е. Козловской

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕМИЯ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА

Четырнадцатого октября с.г. в Тюменском театре кукол состоялась награждение лауреатов и вручение грантов Международной литературной премии Владислава Петровича Крапивина – известного детского писателя и общественного деятеля, уроженца города Тюмени.

Учредители премии, оргкомитет, конкурсная комиссия рассмотрели литературные произведения сорока трех авторов из различных городов России и из зарубежья.

Диплом Лауреата первой премии (денежное выражение 100 тыс. рублей) был вручен известному детскому писателю, руководителю Российского детского фонда Алберту Анатольевичу Лиханову. Вторая премия и лауреатские дипломы были вручены писателям Валентине Фроловой (Севастополь), Сергею Козлову (Тюменская область, п. Горноправдинск) и Елене Габовой (Сыктывкар).

Среди номинантов в лауреаты молодой прозаик из Тюмени Олег Чувакин за сборник рассказов «Вторая премия».

Литературный грант вручен шестнадцатилетней Кристине Пуртовой, выпускнице Тюменского детского дома «Содружество».

Вручение премий состоялось в день рождения писателя Владислава Крапивина, в зале театра кукол присутствовали взрослые, а также много юных читателей.

Собств. инф.

Р. С. В театре кукол было озвучено предложение организаторов мероприятия – присвоить имя В.П. Крапивина одной из библиотек Тюмени. Такой чести при жизни за последнее столетие удавалось в стране революционные вожди (гг. Троцк, Свердловск и другие), первые космонавты (теплоход «Герман Титов», пионерская дружина имени Валентины Терешковой и так далее).

Как говорится, знай наших!

► ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Владимир Токтарев

ВСТРЕЧА

Танцевать при свечах
ты пошла неумело,
А потом я услышал
твой голос в тиши.
Этим вечером лунным,
как кружево, белым
Ты сказала: «Постой,
уйдешь не спеши».

Может, это был сон?
Только что бы ни делал,
Наяву возвращаюсь к началу начал:
Как в ту звездную ночь
шел с принцессой в белом,
Как тебя на земле
в первый раз повстречал.

Я сегодня один и вернулся с работы.
Мы с тобою расстались
неделю назад.
И ты тоже одна, будешь ждать
до субботы.
А ведь знаешь, мне есть
что тебе рассказать!

Я приду, ты поведаешь,
как ты и что ты,
И, быть может, поймешь:
я тобой дорожу.
Только как мне прожить
целый век до субботы?
– Ты ведь дома? Алло!
Я уже выхожу!

Мне послала судьба
испытанье на прочность.
«Жечь глаголом сердца» –
это сильных удел.
Нет креста тяжелей,
это знаю я точно.
Только с этой тропы
я б сойти не хотел.

Знаю точно теперь,
что судим буду строго,
Будь ты трижды поэт –
неизбежен навет.
От проклятья спасенье –
надежда на бога,
И тем паче, что ты и не Блок,
и не Фет.

Может это безумство, я, право,
не знаю.
Светлый май для меня
может быть в декабре.
И, рожденный бескрылым,
я над миром летаю.
Но, как смертные все,
я живу на земле!

г. Екатеринбург

*

ПОПРАВКА

В предыдущем номере «Тюмени литературной» (№№86-87, 2006 г.), в спецвыпуске «Бескозырка» (журнал в журнале) опубликованы фото и рисунок (коллаж на обложке журнала) без указания имени и фамилии автора – тюменского художника и фотографа Таратунина Юрия Владиславовича. Виновный, один из составителей «Бескозырки», понес материальное наказание.

Редакция «ТЛ» приносит извинение Таратунину Ю.В. и одновременно благодарит его за интересную художественную работу. Читатели, а также участники праздника Дня ВМФ в Тюмени и в России её по достоинству оценили.

*

ЗДЕСЬ ДОВЕЛОСЬ РОДИТЬСЯ И ЖИТЬ

Живу и работаю в красивейшем на земле месте – в селе Окунёво, на самом юге Тюменской области. О селе нашем, его людях, окрестной природе в последнее время написано немало заезжими журналистами, а еще раньше – нашими поэтами прославлены эти места. И не случайно в селе Окунево по инициативе нашего земляка писателя Николая Денисова открыт в декабре 2004 года первый в области литературный музей. Это дань уважения не только «селу поэтов», как называют Окунево, но всему поэтическому, песенному Бердюжскому краю...

Однажды я слышала, будто кто-то из приезжих гостей назвал наши места «краем!» Что ж, значит, мы родились в РАЮ?! Конечно, это несколько преувеличено сказано, поскольку проблем на селе, особенно в нынешнее время, очень много. И у старшего поколения, и у молодежи, и у хозяйственных руководителей...

И все же я буду говорить о красоте, об истории наших мест.

Село Окунево было основано примерно в 1760 году или чуть позже, когда крестьяне северных уездов губернии, где к этому времени, по их утверждению, «земли выпахались», начали осваивать левобережье Приишимья – территорию самых южных мест современной Тюменской области. Озерный край! Да, озер у нас столько много, что трудно сказать чего больше – воды, лугов, солончаковых пастбищ или пахотных земель. В Бердюжском районе только озер насчитывается 256. Конечно, крестьян привлекали наши места не только черноземными увалами, но и обилием караса в озерах, также лугами, добротным строевым березовым лесом в лесостепных колках, обилием зверья, птицы в лесах, озерной водоплавающей дичи.

У озер и возникли заимки свободных переселенцев, которые потом превратились в крупные деревни и села. Окунево – одно из таких поселений. Расположилось оно между двух озер Долгое и Бердюжье – на увале. С запада вплотную упирается в березовую рощу, весной и летом звенящую птичьими голосами, с восточной околицы села примыкает сосново-березовый рям, где росла до недавнего времени на кочках даже брусника, встречалась морошка. Своеобразный оазис лесотундры в южных широтах... К сожалению, несколько лет назад едва не совсем сожгли это заповедное место. И теперь идет очень трудное, медленное восстановление уникального уголка природы... (Без помощи человека здесь, думается, никак не обойтись...)

В старые времена в Окунево были две улицы Большая и Малая, которые разделял пустырь (зады). На задах стояли амбары, несколько мельниц-ветряков и две церкви – православная с большим надтреснутым колоколом и старообрядческая, построенная незадолго до Октябрьской революции – в 1907 году. Окунево примерно на половину делилось на православных («мирских») и старообрядцев – («двоедан»). И до сих пор усопших хоронят на разных кладбищах – православных в березах Засохлинского острова, а старообрядцев на своем погосте – в степи, за рямом.

Церкви в 30-е годы, естественно, пострадали. От православной не осталось постепенно и фундамента. Старообрядческую церковь превратили сначала в зерносклад, затем в сельский клуб, где показывали кино, ставили концерты, работали кружки по интересам... До возведения в 70-е годы трехэтажной каменной средней школы, многие нынешние взрослые люди помнят как они учились в небольшой деревянной семилетке, возведенной тоже в 30-е годы. Школа эта постепенно расширялась. Достраивалась. В ней под руководством директора Скипина Петра Ивановича работал сильный педагогический коллектив. Учились в две смены, но в школе успешно и интересно работали различные кружки, своя радиорубка, новый спортзал, даже вечерняя школа. Количество учащихся доходило до 600 человек. Большинство получали крепкие знания. Поступали затем в вузы, в техни-

кумы, в военные училища. Спортсмены-окуневцы завоевывали дипломы и грамоты на соревнованиях крупного масштаба.

Вспоминая свои школьные годы, скажу, что в нашей школе было очень интересно учиться. А ведь у нас занимались и дети из других деревень совхоза «Бердюжский». Для самых маленьких учеников в центре села, то есть на бывших задах, теперь на улице Ленина, был возведен двухэтажный интернат.

Была у нас и своя участковая больница, крупный детский сад... За годы «перестройки» многое утрачено, и все же в последнее время село как-то начинает оживать. (Пополняется за счет исчезновения окрестных мелких деревенок). Конечно, удача для взрослого населения, что на пашнях развалившегося совхоза «Бердюжский» обосновалась ферма Ишимского племсовхоза «Юбилейный», где занято около сотни местных рабочих, в основном, механизаторов. И конечно, событием последних лет стал капитально отремонтированный сельский Дом культуры, где не затихает огонек культурной жизни села и, кстати, в одном из просторных помещений размещен музей «Села поэтов», где есть книги и рукописи наших земляков Г.Сысолятина, А. Шестакова, Г. Абрамова, С. Борисова, В. Долгушина, В. Законова, Н. Денисова, З. Замякиной и других авторов.

Вокруг Дома культуры подрастает парк из местных деревьев, посаженный жителями села в честь 60-летия Великой Победы. А точнее, члены семьи каждого погибшего на войне родственника посадили в его память «свое» дерево. Ведь у кого-то погиб на фронте отец, брат, дядя, дедушка, прадедушка.

Еще одна подробность. Не так давно в селе появилась четвертая улица – Береговая, на въезде в село со стороны города Ишима. Здесь все домики построены по одному проекту, но каждый хозяин старается по своему украсить свое жилище: палисадником с цветами, кустами, деревцами, а кто-то уже собирает в своем маленьком саду яблоки.

Можно много говорить о своем селе и дорогих мне односельчанах. Например, о том, что больше стало асфальта в селе, значит, меньше грязи. Или о том, что в село пришел газ, сохранятся те леса, что уже достаточно поредели за годы. У нас все же лесостепная местность... Маловато новостроек. Да! Но мимо села проложена на Петропавловск автотрасса федерального значения. Мы гордимся, что в окрестностях Окунево есть маленькая жемчужина – целебное озеро Соленое, куда приезжают подлечиться люди из многих ближних и дальних мест. Берег озера в теплую погоду обставлен машинами, палатками... Специалисты-медики давно присмотрелись к «окуневским грязям», в восьмидесятые годы минувшего века уже началось возведение санатория крупного масштаба, но... Полагаю, что строительство санатория власти возобновят! А пока, как написал в поэме о Соленом Николай Денисов:

Берег озера солнечно розов,
Бархатистая травка, стрекозы,
Изумрудный подрост сосняка...
Из особых примет на Соленом –
Камышинки, песочек каленый.
В сотне метров негромкий большак.
Не сумели сей кладезь природный –
Ни вожди, ни гарант всенародный,
Обустроить. Подлечимся так...

Жизнь не стоит на месте. Надеемся, что и наша жизнь будет более интенсивно меняться в лучшую сторону. Это нужно и ветеранам, а молодежи – в особенности. Окуневцы – люди трудолюбивые, доброжелательные, а места у нас, действительно, прекрасные, райские. Как не любить этот родной уголок земли, где родился и вырос, где росли наши дети, а теперь подрастают и внуки.

Зинаида Каргаполова.
с. Окунево Бердюжского района.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ МЕМРАДЕЙ

Сергей Горбунов
ЦЕНА РЕЧИ

*В магический кристалл
свернулось время,
Со вмёрзшею навек туда страной.
Я говорю: «По щучьему веленью,
Родное Слово –
встань передо мной».*

*И вот звезда ударилась об оземь,
И Ветхое засыпалось землей...
Как журавли тревожные под
осень...
Я собирался в путь нелегкий свой.
О, это одиночество Истока.
Я корку Хлеба истинного ел,
Меж Западом блуждая и Востоком.
И дух мне отвечал:*

*«Ты так хотел»...
– Куда идти меж истинным
и зримым? –
я от Истока выспросил ответ.
– Меси раствор,
покуда хватит глины.
Пили звезду и ремонтируй свет.
Ум успокой, роди внутри терпенье,
И, что внутри –
снаружси будет течь.
Пока не станешь
камнем преткновенья –
Не потечет из уст родная речь...*

*Я был без шума сдунут
третьим Римом,
Вернувшись снова в Город на Пути,
В упавшей с Неба
«Книге Голубиной»,
Пытаясь что-то важное найти...
И камнем став простым
(по Божьей воле),
Неважно почему, но я им стал.
Неважно где,*

*как будто в чистом поле
Глубинными движеньями дышал.
Там Книга, будто жизнь,
втекала в тело.
Потратив на меня не мало сил.
Потом взяла... и в небо улетела.
Но кто я без неё? Я позабыл...
г. Тюмень*

в. Владимир Ермолаев
РОДИНА

*Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
(Некрасов Н.А.)*

*Светла с порога даль родная:
Деревня, пруд, поля, леса
И храм до Неба! Русь живая!
И неземные голоса...
Я узнаю тебя повсюду,
О Родина, Ты вся во мне!
Скорей, себя как звать забуду –
Ты несказанна и во сне!
Как наяву неуловимы
Твои небесные черты!
Бои, работы, свадьбы – мимо...
Над всей судьбой – Иконой Ты!
Святая Русь и Русь мирская,
Покая мир и мир борьбы...
Нечистых в Царство не пускают!
Любых – в сосновые гробы.
Тернистый путь Христова сына –
Он во сто крат тернист в Руси!
Голгофа – каждая картина!
Иуды списком – лишь спроси...
Здесь друг, порой, врага похлеще,
А враг “возвышенности” полн.
И жизнь ключом кровавым хлещет,
И плещет море кровью волн...
О Богоизбранная Доля!
О Рая высшая Цена!
О Героическое Поле!
Душа! Без крышки и без дна!
Светла с порога даль родная!
Надолго ль света полоса?
В церквах – не Русь, но Русь Живая!
Святых я слышу голоса!..*

ЧЕТКИ

*Светла Россия чудаками –
В блаженных русских нету зла.
Они, как ангелы веками –
Над центром русского узла.
Судьба России узловата –
Бог-Инок тянет узелки!..
За ямкой круто, но горбато, –
Вся в Пальцах Божией Руки!*

**Богоявленский собор,
г. Ишим**

*Господь считает поколения...
Кто не собьётся в счете с Ним?
Земная жизнь – одно мгновенье.
В мгновенье духа Бог вместим!
Душа мертвеет без страданий.
Виднее свет святых в ночи.
А Бог уж новый узел тянет –
На грех юродивый «ворчит»...
Светла Россия чудаками
И светел путь в Руках Христа!...
Перебираю жизнь строками
С крестом юродства на устах...*

* * *

*Стою на краешке планеты,
Перебираю четок вязь,
А тьмы космические ветры
Свистят, Распятия боясь.
С крестом в руках,
с крестом на персях,
На теле крест, сам на кресте,
Я двух миров на перекрестье,
Я крест рисую на листе.
Давно прошла пора сомнений –
Я сердцем в такт живу Христу:
Покой Божественных Селений
Порой внимаю на версту!
Как много гор на перепутьях,
Голгофы выше – ни одной!
Сорвав кровавые лоскутья,
Взошел Спаситель в мир Иной!
И я лечу, расправив руки, –
Лишь с Лобных мест и долететь!..
Сладки мне все земные муки,
Коль можно Бога лицезреть!
г. Полевской*

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ!

Тюменское региональное отделение Союза писателей России, редакция «Тюмени литературной», поздравляет коллег, товарищей по перу, отметивших своё шестидесятилетие со дня рождения в 2006 году.

Желаем доброго здоровья, новых творческих свершений, семейного благополучия и, как говорят моряки, семь футов под килем и попутного ветра для

покорения нелегких широт и глубин на литературной стезе:

Блинову Юрию Михайловичу (г. Губкинский);
Омельчуку Анатолию Константиновичу (г. Тюмень);
Молоканову Анатолию Николаевичу (г. Надым);
Страхову Валерию Георгиевичу (Сладковский район);
Данилову Николаю Андреевичу (г. Салехард).

ПРЕДЗИМЬЕ

*В скучно-сырое предзимье
Кто привечает людей?
Дятел, синица-певунья
Да жизнелюб-воробей.*

*Серое небо и дали.
Где же спасительный снег?!
Странные думы и чувства
Носит в себе человек.*

*Хочет он яркого неба, –
Мол, от печали умру.
И гулеванит три ночи,
Грех свой клянет поутру.*

*В это лихое предзимье
Радуют грустных людей –
Дятел, синица-певунья
И жизнелюб-воробей.*

Ноябрь 2005 года

* * *

*Как тяжело...
Не видно звёзд.*

*Но был же между ними мост!
Меня душа туда ночами
Водила смело за словами.
Я видел там, как зрели грозы,
И опускались с тучек росы...
В моих словах сияли слёзы...
Но нет моста.*

*Разрушен он,
Я в новый дом переселен.
В моем окне напротив – зданье,
Оно закрыло мирозданье.
За что такое мне страданье?..
Не вижу я ночами звезд,
Разрушен между ними мост.*

Декабрь 2005 года

➤ НОВЫЕ СТИХИ

✓ Андрей Тарханов

Нашему другу и постоянному автору «ТЛ» – талантливому мансийскому поэту Андрею Семеновичу Тарханову исполнилось 70 лет

НОЧНОЙ РОМАНС

Отцовский дом

*вдруг возникает.
В моих глазах снежинкой таеет.
И я молчу.
Как смутно милых лиц явленье!
В руке свеча – мое горенье.
Я им свечу.
Они идут как тени тайны.
Услышать бы мне голос мамы...
Но... тишина.
Мерцают звезды в мирозданье.
Шепчу им нежно: до свиданья.
Я – у окна.*

Декабрь 2005 года

* * *

*Морось. Пахнут корневища
Прелой нынешней листвой.
Бор старинный, мой дружище,
Что поник ты головой?*

*Знаю – мы с тобой устали:
Век минувший горьким был.
Все же мы не растеряли
Тот, мятежный с детства,
пыл.*

*Люди до потех охочи,
Сила жадная слепа.
Оставляют люди ночью
Выруба и выруба.*

*Кто из нас с тобой молился,
Чтоб найти заслон от бед?..
Вдруг на небе появился
Яркий голубой просвет.*

*И невольное волненье
Нам с тобой передалось.
Голубело постепенно, –
Видно, так велел Христос.*

*Друг, мой бор, ты заискрился,
Посвежел, повеселел.
К людям я другим явился –
Веру в небо я имел.
Ноябрь 2005 года*

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*Я родился под Покров,
В листопад венчалный.
И на свадьбы –
Для стихов
Я душевно званый.
Здесь баяны.
В небе – плач,
Во-он косяк последний.
Я желаю всем удач,
Я мужик не вредный.
Пойте, люди.*

От небес,

*Знать, мой день рожденья.
За Луну – звездный крест –
Знак для вознесенья.
Но вокруг бушует мир
Красоты и горя.
И от злобы длится пир
Сатанинской своры.
Потому я нужен здесь,
На земле боренья.
На меня с надеждой лес
Смотрит в День рожденья.
Да продлятся дни мои
По велению Бога,
Чтобы людям от любви
Я дарил дороги.
13 октября 2005 года*

Убийство Сталина

Из интервью начальника специальной военно-политической контрразведки СССР, дважды Героя Советского Союза, генерала армии И.В. Белого: «Мы вытащим из пропасти Отечество!»

...Смертельную опасность в послевоенные годы внутри страны представлял Лаврентий Берия. Сосредоточив в своих руках огромную власть и силы НКВД, он постепенно, под влиянием ЦРУ США и других разведок капиталистических стран, особенно Англии, Израиля, превратился в матерого врага и страшного палача для истинных патриотов Отечества.

Когда бандитизм Берия дошел до Жукова и Василевского, то Иосиф Виссарионович попытался пресечь этот произвол, пообещав Берия «посоветоваться с военным трибуналом». Практически это было первое крупное разногласие между Сталиным и Берия. Последний, как хищный зверь, увидев угрозу своему беспределу, задумал страшное...

На 3 марта 1953 года И.В. Сталин назначил совещание, которое должно было состояться на даче Сталина в 11.00, где каждый должен был коротко отчитаться за порученное дело.

Но произошла неожиданность. Когда мы с товарищами вернулись из Грузии, меня предупредили: на даче у Сталина на Воронках 1 марта Берия сменил всю охрану и куда-то вывез, 2 марта повторилось то же самое, и сейчас охрана заменена совершенно неизвестными людьми. Г.К. Жуков в это время был в Одессе, Александр Васильевич (мой непосредственный наставник) — во Львове. Мы вместе с С.В. Быстренко и Аликом Садыковым 3 марта 1953 года поехали на дачу. Входим в здание и видим: И.В. Сталин лежит на своем диване. Около него «хлопочут» три человека в белых халатах. Все лицо и шея Сталина облеплены пиявками. Я спросил одного:

— Что вы делаете?

Он ответил:

— Так надо.

Мы думали, что И.В. Сталин заболел, и врачи делают своё дело. Оказалось все иначе. Эти люди при помощи пиявок убрали гематомы с мертвого лица Сталина, то есть явные следы удущья, которые были видны и понятны всякому, даже неспециалисту...

Вот что позднее докладывали сотрудники СВПК генерал-майор Соловьев Сергей Ильич и полковник Баранов С.И.:

«3 марта 1953 года к даче Сталина, не в 11 часов, а в 10, подъехали два автомобиля. Из них вышли 6 человек: Каганович, Берия, Вышинский, Микоян, Израилевич и незнакомый, очень грузный мужчина... Я (то есть генерал Соловьев С.И.) и полковник Баранов С.И.

быстро заняли места наблюдения внутри дачи. С первых же минут начался очень грубый разговор между Сталиным и Берия. Такого раньше не бывало. Минут через 20-25 И.В. Сталину стало плохо. Берия и этот грузный мужчина, как я потом выяснил, Иосиф Крац (гражданин Австрии) быстро уложили Сталина на диван. Крац положил висевшую у всех на виду грелку на рот Сталина и сел на нее, Берия сел на ноги Сталина, Вышинский зажал руки. Через 15 минут И.В. Сталин умер. Все его лицо и шея были черными от вздувшихся и кое-где потрескавшихся вен. Вся эта бандитская шайка вышла на улицу, где их поджидал горбоносый генерал бериевских внутренних войск с Дальнего Востока и с ним два полковника. Их разговор мы не поняли. Тут же была снята и расстреляна вся охрана, а через 26 минут поставлена новая».

Вот так 3 марта 1953 года закончилась жизнь И.В. Сталина — великого политика, мыслителя и полководца XX века, который впервые попытался пресечь беспредел, творимый международным воинственно-разрушительным империализмом в СССР, начатый еще с февральской революции 1917 года...

Пуля советской контрразведки настигла Иосифа Краца при пересечении советско-польской границы 11 марта 1953 года. Смерть остальных убийц известна: Берия был застрелен, Вышинский отравлен на территории США...

В наши дни, судя по высказываниям местных представителей воинственно-разрушительного империализма США, таких, как Чубайс и Гайдар, Явлинский, Хакамада, Немцов и им подобные, они проклинают тоталитаризм, то есть советское время и все, что творили замаскировавшиеся под большевиков их деды и прадеды, всё сваливают на Сталина.

«Период сталинских репрессий»... А давайте посмотрим, кто осуществлял эти репрессии, кто уничтожал народ первого социалистического государства. Я пофамильно перечислю убийц. Все это взято из тайников Берия. К сожалению, те серьезные обличительные документы нам не разрешили опубликовать, хотя бы даже частично, ни Хрущев, ни Брежнев. Вот что творили враги, переодевшись в красивые одежды большевиков, на которых привыкли ссылаться нынешние демократы и демофашисты. Троцкий (Бронштейн) убил 1 260 000 человек (это в основном нэповцы под видом кулаков) самого трудолюбивого народа Центрально-Черноземной России;

Свердлов (Янкель) — 814 087 человек;

Тухачевский — 71 914 человек;
Рыков — 296 714 человек;
Зиновьев — 193 844 человек;
Каменев — 319 076 человек;
Бухарин — 241 012 человек;
Вышинский — 394 086 человек;
Ягода — 376 403 человек;
Абакумов — 411 657 человек;
Ежов — 396 403 человека;
Берия — 344 107 человек + 64 538 человек во время войны (1941–1945 гг.) + 72 700 человек после войны (1945–1948 гг.).

Всего со дня революции деды и прадеды нынешних «демократов» отравили на тот свет 5 146 557 человек. И вот что еще показательно. За время «перестройки» и антинародных ельцинских реформ с 1985 года и по 2000 год мы недосчитались 35–40 миллионов человек. Так что внуки и наследники названных мной выше лидеров и агентов влияния перецеголяли своих дедов в 6 раз*.

*Полностью интервью И.В. Белого опубликовано в газете «Патриот» № 14 (6821), 2006 г.

(От «Тюмени литературной»: На местном, тюменском уровне, свою роль в разрушении СССР–России сыграла известные читающим гражданам местные «герои» гайдаровско-ельцинского режима. Достаточно назвать публику некоторых «луж и проталин», также «Тюменского комсомольца» начала «перестройки»; на «знамени» этой газеты красовался тогда портрет Бухарина, виновного в гибели почти трети миллиона граждан страны).

ВОЛОДЯ-ЧЕЧЕНЕЦ

В барчике, где обитаю, чего не услышишь! Нет-нет да и наведается свежий человек с разговором.. К вечеру, само собой. А у Бориса Евгеньевича Плотникова, вечного неустанного труженика, как говаривали у нас, в прежнем СССР, не знаю пока, как в здешней Венесуэле говорят о трудолюбивых, так вот у этого труженика-строителя, а на данный момент еще и общественного редактора кадетского «Бюллетеня», манера – появляться в кинте друга Георгия Григорьевича Волкова с утра пораньше. И, естественно, все ко мне – в барчик!

Георгий Григорьевич, хозяин гостеприимный и заботливый, несет по случаю прихода любого гостя или приятеля несколько маломерных бутылочек пива. Также мандарины или бананы. Ставит объёмные стаканы (Ну это вроде чаепития, как в старой русской деревне было, которую помню!). Но до пива охотники не все, тогда из того же холодильника, что во дворе под навесом, доставляется дышащая морозным парком кока-кола или квас. И только один восьмидесятишестилетний Плотников чаще прочих шутиливо, а то и всерьёз «требует», кивнув на крепкие напитки в барчике, налить ему рому...

– Борис Евгеньевич, вы ж за рулем! Нам же ехать, любимые ваши орхидеи смотреть – в оранжерее! – почтительно протестую я.

– У нас не у вас, молодой человек! У нас полиция не приноживается! – это для меня. А для Волкова: – Георгий, ой, что-то зуб заболел! Не жалея, наливай полстакана... Я обещал молодому человеку рассказать о «типах». Охотно и сходу выполняю его просьбу...

– Вот слушайте, – обращается Борис Евгеньевич ко мне, опорожнив одним духом напиток, и не понюхав, как делают наши российские мужики, «материю» рукава; да-а, ведь как-никак передо мной сын полковника Российского Главного штаба Его Императорского Величества, а также вице-унтер офицер кадетского корпуса, военная косточка, – так вот, работал я, Николай Васильевич, в русской православной церкви на Дос Каминос, ставили решетки забора. Красили. Народу было порядочно. И смотрю, на скамеечке устроился какой-то тип! Рюкзак лежит, другие вещички. А сам стоит поодаль, скучает. Час, другой проходит. Мы работаем. Подхожу к нему. Спрашиваю на испанском: «Вам что-нибудь в церкви надо?» – «Но интендо!» То есть – не понимаю! Я тогда на русском спрашиваю: «А порусски вы говорите?» – «Да!» – «Ну и что вам нужно?» Он отвечает, что ему нужно повидаться со священником, с отцом Павлом. Был, кажется, четверг. Говорю, мол, вам придется ждать до субботы. Раньше отец Павел не появится! А он: что же мне делать? Я же совсем на улице. И никого не знаю, меня на бразильской границе ограбили, забрали все бумаги. А священник мне должен помочь... Здоровый, крепкий такой, лет сорока двух летина... Вы разрешите, говорит, мне на этой скамеечке переспать?..

Тотчас представил и я ту скамеечку под пальмами: в 91-м, в первый свой приезд в Каракас, запомнилось, как долго и славно разговаривал на этой синей скамеечке с девяностошестилетним Георгием Максимовичем – потомком знаменитого сибирского просветителя Святого Иоанна Максимовича, чьи мощи и ныне покоятся в раке церкви в Тобольском кремле...

– Ну мне стало жалко беднягу, – возвращает меня к реальности хрипловатый басок Плотникова, – пригласил его к себе в автомобиль. Поехали мы в Лос Текес. У меня там тоже была подрядная работа: укрепляли берег реки бетонной стенкой. Одним словом, приехали мы с ним в Лос Текес, а это больше двухсот километров в один конец. Расплатился я с рабочими и повёз беднягу к себе домой. Накормил, уложил спать. И он остался у меня на несколько недель...

– Кто он, хоть сказал?

– Сперва он мне сказал, что он казак. Типа донского. А

потом выяснилось, что он не столько казак, сколько чеченец или ингуш. Кавказец, одним словом! И живет, живет у меня, причем страшно и по любому поводу меня критикует. И не только меня, всю здешнюю русскую колонию. И всех русских, «которые напали на его Чечню!» Мол, всех русских надо резать и убивать! Тогда как раз была эта вся заваруха в Чечне, когда чеченцы резали заложников. У меня, знаете, видеофильмы об этом есть. Ну там – всё наглядно показано...

– Вы это как терпели? Его «критику» русских?

– Терпел... Но после двух недель пребывания у меня, Володя этот, как назвался он мне, куда-то исчез... Потом я узнал: встретился с какой-то особой, прижился у неё...

Да я его «историю» всю знаю! – орлом глянул Плотников на собеседника. – В свое время, молодым парнем, он поступил на службу во французский иностранный легион. Привезли его сюда, это по соседству, во французскую Гуаяну, откуда он через некоторое время сбежал. Ну, через все эти джунгли добрался до Каракаса, до русской церкви. А оттуда, как я сказал, ко мне. И начал устраивать свои документы. Говорит, если меня здесь поймут, передадут французам в Гуаяну, а там посадят... Ну один из наших русских достал ему документы на имя какого-то французского портного Кляйна, который заведовал мужскими модами. Кляйн! Имя или фамилия, не знаю. С этими документами он и ходил по Каракасу. Познакомился с сыном нашего Хитрово – Володиком. Занялись торговыми делами. Например, Володик доставал чеснок в Андах, здесь его мыли, приводили в порядок и продавали. В одно время Володик должен был уехать куда-то, уехал, а Володя-чеченец получил чек за проданный чеснок. Деньги в банке обычно получал Володик Хитрово, а раз нет его в городе, Володя-чеченец, точнее Кляйн по документам, сам пошел в банк. В банке на Кляйна посмотрели и вызвали полицию! Полиция арестовала Володю-чеченца и посадила в тюрьму. Тюрьма эта была какая-то комичная. Это был дом, в котором находился полицейский участок. А в подвальном помещении дома, типа вот этого барчика, держали арестантов.

– Пива, понятно, не приносили...

– Ясное дело! Там обычно сидело человек шесть-семь, все бандиты и подобные им личности. Ну, я говорил, Володя-чеченец парень был здоровый, мне он признавался, что был чемпионом по джиу-джису. Но на него в этом подвале-барчике сразу кто-то там напал, хотел обокрасть. Володя-чеченец как двинул того кулаком, тот и улетел под скамейку. Подскочил второй бандит. Второму в живот дал. Одним словом, навел там такой порядок, что заставил всех работать! Достал краску, покрасил помещение, где сидели, сделал плакат-картинку: «Слава Чавесу! Спасибо за нашу счастливую жизнь!» Потом покрасил весь дом. Во дворе был склад барахла. Он всё это барахло разобрал, ненужное выбросил, нужное прибрал. И это место стало замечательным! Вроде, церкви, знаете...

Начальник заведения полицейского в таком восторге был! Он и говорит Володе-чеченцу: «Слушайте, Кляйн, вы можете, когда захотите, ходить в город, только возвращаться к вечеру!»

И в конце концов этот Кляйн стал в тюрьме и на полицейском участке каким-то диктатором! И в самом полицейском управлении стал важнее самого шефа. Полковника или генерала, не знаю. В конце концов в полиции ему сделали новые документы, он с ними гуляет, не о чем не тужит, забыл о том, что боялся когда-то, что его заберут французы в Гуаяну...

И сейчас он в Каракасе, как я говорил, сошелся с одной молодой русской дамой, когда помогал ей побелить в доме. И она его теперь содержит, хотя сама не живет в Каракасе. Только приезжает. А он обитает в её доме. И ничем почти не занимается. Но ко мне не заходит. И не узнает при встрече. Вот это самое занятное!

«МУЖ И ЖЕНА»

– Как-то пришел ко мне наш российский консул. Очень милый симпатичный человек, с которым я имел сердечные отношения, – встрепенулся Волков, видимо, разгоряченный повествованием Плотникова о Володе-чеченце. – Консул и говорит: в Каракасе появились два молодых человека, говорят, что они якобы русские из Риги, сбежавшие торговые моряки, которых стали притеснять новые латышские власти. И они, молодые люди, должны возвращаться в Англию... У них какие-то неувязки с билетами. И денег у них нет. Можно их поместить у вас на два-три дня, пока они решат свои проблемы?

Ладно, говорю. У меня ведь кто только не обитал из таких вот неприкаянных соотечественников. Пришли. Один повыше, другой пониже. Поселил их в своем зубо-врачебном кабинете. Он тогда пустовал. Поставили мы им с бабой Катей две кровати. Дали посуду, ложки, вилки. Даже печку электрическую установили. Они говорят: ладно, мы все сами, сами... Из русского посольства им принесли большой кулек с продуктами. Мы их тоже подкармливали, чем могли.

Живут себе день за днем. И все куда-то бегают в город. А потом к нам идут, просят разрешения позвонить. «В Ригу – разрешите, в Лондон – разрешите, на Тринидад – разрешите!» Там, мол, какое-то общество моряков должно им помочь... В общем, наговорили они на хорошую сумму. Мы с них, ясно, денег не брали.

Пробыли они у нас три месяца. И ни разу не пришли с предложением – чем-то помочь старикам. Ну хоть двор подмести... Но я ж говорил, что они ходили гулять. Как оказалось, туда ходили гулять, где эти голубые гуляют, кучкуются! И сами они – муж и жена – фактически... Как обнаружилось? По многим признакам. Один командовал, другой угождал. Ну это ж было заметно: не дружеские отношения, а какие-то семейные...

В конце концов приходят к нам и говорят: мы уезжаем!

Ладно. Я понял, что местные голубые, с которыми они снюхались, чем-то им материально помогли. Ладно...

В последний момент, когда они уходили, я и говорю этой парочке: «Оставьте мне хоть адрес, куда направляетесь!» – «А Вам зачем?» – «Ну, вам же будут звонить или письма для вас приходить будут!» – «Не оставим!» – отвечают. Ах, так! Разозлился я и шумно прогнал эту парочку: знать вас не хочу!

И что вы думаете? Месяцев через пять появляются с букетами цветов – для Кати и Аннушки. И говорят: «У вас можно остановиться?»

– Нет, нельзя! – отвечаю.

Куда-то исчезли, не знаю...

ЧИТАТЕЛЬ

– А раз пришел я в российский Аэрофлот, в агенцию, – продолжил Волков, – мне было интересно узнать дорогу, чтоб полететь в Россию, искал, как бы подешевле! Вижу, молодой человек сидит с рюкзаком, читает книгу. Загорелый. Поначалу подумал: венесуэлец! Потом что-то этакое «озарило», подхожу к нему, спрашиваю:

– Вы говорите по-русски?

– Да, говорю, – отвечает.

– Вы откуда?

– Я русский.

– А что здесь делаете?

– Хочу полететь домой через Кубу, но нет рейса. И надо ждать.

Спрашиваю:

– А где вы остановились?

– Да... вот был на золотых приисках. Компания лопнула. И надо ехать домой.

– А что вы любите книги?

– Да.

– А где все-таки живете?

– В одном пансионе...

Ну я говорю тогда: если вы интересуетесь книгами, заходите ко мне, может быть, у меня подойдет что-то для вас интересного.

На другой день появляется. Спрашиваю: как вас звать? Юра. Тут Катя подошла, спрашивает: где вы живете? Юра опять повторяет, как и мне, мол, в пансионе. За доллар в сутки. Но я-то знаю, за доллар можно получить только койку в ночлежке. А Юра говорит, мол, там крадут, потому должен все носить с собой. А в рюкзаке у него – одни книги. Самое ценное, выходит.

Катя говорит:

– Может, останетесь у нас?

И он остался. Ну, тихий, спокойный. Покушает, по лузку себя погладит, уходит читать. Но у нас-то принято: встал из-за стола, скажи хозяйке «спасибо». Он этого не делал, из скромности, что ль! Не знаю. Но мне он понравился, потому что действительно любил книги. Пробыл у нас некоторое время, получил свой рейс, уехал... До сих пор с ним переписываемся. Оказывается, он не только читатель, но и сам немножко пописывает, сочиняет...

Писатель Олег Платонов с хозяевами дома Волковыми

Автор этих записок Николай Денисов и врач из Каракаса Кира Никитенко

СТАСИК И ДРУГИЕ

Про Стасика и его окружение история и вовсе короткая. Приехал он в Венесуэлу с мамой, сестренкой и одним странноватым профессором из Волгограда. Скорей всего, их вызвал сюда, наобещав золотые горы, один проходимец, который называл себя доктором и лечил «наложением рук». У сего целителя были связи с посольством Венесуэлы в Москве, ну и, наверно, была «мохнатая рука» – в российском, в Каракасе. Он продавал визы в России, люди отдавали ему последние доллары, приезжали сюда, а здесь им – ни работы, ни жилья.

Переселенцы к нему с претензиями, а «целитель» только руками разводил: ну что я могу сделать?! Конечно, этих бедолаг старые эмигранты в беде не бросали, устраивали, помогали, чем могли. А целитель, называвший себя доктором, устроился в балетной школе массажистом. Познакомился там с женщиной, заведующей этой школой, она училась в Москве, знала русский язык. Потом они уехали работать в провинцию. В город Маракайбо...

Но тут занялся переселенческими делами и сам Стасик, приглашал все больше музыкантов. А тут и своих хватает! Да... Сам-то Стасик с родными как-то устроился. Поселились они на Альтависте у одного русского, у которого жена умерла, и он жил один. Мама Стасика за ним ухаживала, поскольку он был полупарализован, ходил на костылях. Дети его разбежались раньше, жили неизвестно где. И вот тогда этот русский старик говорит маме Стасика: выходите за меня замуж, я скоро умру, вам все и достанется! Они и женились. Постепенно у них жизнь стала налаживаться. Мама Стасика работала одно время сиделкой у сестры бабы Кати, Аннушки, когда её прооперировали. Сестренка Стасика начала работать в парикмахерской, тоже хоть что-то получала. Но случилась беда: Стасик заболел. Он оказался диабетиком. Лечил его тот самый доктор-целитель – «наложением рук», но не вылечил. И Стасик умер.

А потом появились дети хозяина квартиры, законные наследники, которые вытеснили маму Стасика и всю оставшуюся компанию. И мама Стасика уехала обратно в Россию...

Что можно добавить к этой истории, тоже услышанной мной в барчике? А то, что этот странноватый профессор из Волгограда нашел каморку у одной русской, перебивается, как говорили когда-то в нашем сибирском селе, с воды на квас! Хотел устроиться профессором русского языка в местный университет, но, как заметил Волков, «он так много знает, что не подходит в университете, чересчур сильно образован, а этого здесь не нужно!» Пытается давать уроки в частных домах, но ребяташки больше трех-четырех уроков не выдерживают. Разговаривает с детишками в таком высоком стиле, что и родители детишек, послушав профессора, отказываются от его услуг. Платить ему вдове, у которой живет, нечем, постоянно обращается то к одному, то к другому из русской колонии: «Помогите...»

БОСИКОМ ПО ПЛАНЕТЕ

С полгода назад один из сынов Бориса Евгеньевича Плотникова, Андрей, привел в дом отца «странную семью». В самом деле – странную, потому что это были странники, путешествующие по планете босиком! Открыл Плотников калитку, подивился: непривычного вида мужчина, женщина и молодой человек. Вся троица при рюкзаках за плечами и – разутые. Кто такие? Русские. Точнее, отец и сын русские, а женщина – канадка, похоже, походная жена старшего из плотников. Типа тех подруг, которых во время Великой Отечественной войны называли ППЖ, то есть походно-полевая жена. Но и не только, поскольку тоже босая и тоже – путешественница! Плотников и спрашивает: чем могу служить? А сын Андрей объясняет отцу: позвонили из российского

посольства, помогите, Андрей Борисович, на нашу голову свалилась русская семья, которая ходит по миру босиком, требует, чтоб мы им помогли. Ситуация нередкая для посольских. Но не разместишь же эту босоту в посольстве – на территории суверенной России! Выдали им из посольской казны двадцать тысяч боливаров, а Вас, мол, Андрей Борисович, просим принять соотечественников у себя на несколько дней...

Старший Плотников отворил калитку пошире: проходите! И поселились путники в гостеприимном доме на две недели. Сын ночует в доме, а босые мама с папой поставили себе палатку в саду, обитают там...

Решил Борис Евгеньевич сводить гостей в православный храм Святого Николая, где в 91-м крестили автора этих строк. Плотников намекнул гостям перед выходом из дома, чтоб они все же обулись, но они заявили что у них вообще обуви нет! Ладно, приехали на Дос Каминос в храм Святого Николая. Служба идет. Прихожане дивятся: впервые видят таких босоножек! А когда заканчивалась служба, Плотников подошел к отцу Павлу и попросил, чтоб отец Павел разрешил его гостям подойти под благословение и приложиться ко кресту. «Да, пожалуйста!» – ответил старый священник. Но когда босоножки вошли в церковь и приблизились ко кресту, отец Павел не то забыл о просьбе Плотникова, не то просто ужаснулся виду столь живописных личностей, он их выгнал из церкви...

И тогда отправились босоножки на Огненную Землю, на самый юг Южно-Американского континента, через все страны пешим порядком. Прошли всю Венесуэлу до реки Ориноко, поднялись в недоступную и сказочную Гранд Савану, зашли на самый высокий в мире водопад Сальто Ангель, где с высоты одной тысячи метров падает вода. Само восхождение к вершине водопада – подвиг, доступный не всякому опытному путешественнику. Затем спустились с каменного плато, дошли до Амазонки, по её берегу дошли до Эквадора, затем до Перу. В этой стране главе семьи вышел какой-то экзамен с документами. Оказалось, что у старших дорожные документы в порядке, а у сына их вообще нет! Но из Перу их выдворили всех. И пришлось босоногой троице возвращаться в Канаду, где у них готовились бумаги на гражданство этой страны. А на пути... Каракас и дом Плотникова! И старший путешественник просит Бориса Евгеньевича:

– Можно, Борис Евгеньевич, оставить у Вас моего сына?

– На сколько?

– На полгода.

– Дорогой мой, – отвечает Плотников, – Вашему сыну 19 лет. Взрослый парень, но все равно – ребенок. А что он тут делает за эти полгода? За ним надо доглядывать... А ему учиться бы или работать надо... На несколько дней, пожалуйста...

Эти «несколько дней» обернулись для добрейшего Плотникова долгими месяцами. Живет себе парень на попечении добрых людей, что-то «мычит по-русски, что-то мычит по-английски», как рассказывал мне потом Плотников, какие-то затруднения с речью у парня. А папаша его знает себе шлет по электронной почте указания Плотникову, прилепился, знает, к какому-то чужому компьютеру, командует: позвоните туда-то, сделайте то, другое... Терпит Плотников. Содержит великовозрастного парня. А тот сидит день у телевизора, сидит у телевизора до глубокой ночи. Проснется Плотников, посмотрит: парень порнографические программы «крутит». На другой день то же самое: ходит по дому, по саду, покурмят, опять – к телевизору.

Конечно, видит и понимает Плотников, что парень без денег, а ему и в город надо выехать, заплатить за автобус, за метро, кока-колы выпить, то, другое... И пишет Плотников папе-путешественнику в Канаду: «Ваш сын живет у меня, но он без денег, будьте добры, пришлите мне 50 долларов!» На это приходит Борису Евгеньевичу письмо от папа-

Венесуэла. Водопад реки Канайма в Гранд Саване

ши-путешественника, мол, в Канаде, какие у них деньги были, украли. А работать он не может, потому что еще не гражданин Канады...» Плотников отвечает по электронной почте: «Ах, так, тогда я вообще с вами перестану переписываться!»

Но за парня вступилась жена Плотникова Татьяна Александровна: «Мы же не можем этого мальчика выгнать на улицу!»

Да, конечно.

...Тут я несколько дам передышку сему рассказу, поскольку, попрощавшись с барчиком, мы с Борисом Евгеньевичем уже изрядно покружили по Каракасу на его стареньком, дребезжащем всеми железками «Шевроле», заехали в оранжерею, где попали в море всевозможных благоуханий, которые большого восторга у меня не вызвали, поскольку, глядя на эти цветы и разноцветия, почему-то больше вспоминал сибирские колокольчики да кукушкины слезки наших приболотных низин и пустошей Приишимья...

– Вот так, – продолжил Плотников, когда его «антилопагну» упорно одолела крутой горный подъем, покатила по ровной дороге – Как вы выгоните человека, его могут ограбить, его могут убить...

– Грабить-то у него нечего!

– Как нечего? Рубашку снимут. Штаны снимут. Или, знаете, попадет в руки каких-нибудь кретинов... Словом, выгнать мы его не можем никак, а вот на папашу я все же подействовал. Выслал он все же пятьдесят долларов. И сейчас я мальчику даю каждую неделю по двадцать тысяч боливаров на его расходы. А к концу месяца напишу снова его папаше: высылай еще 50 долларов. Пусть думает, что это он мне высылает... Вот вам вся история... И вы этого мальчика сегодня увидите! Кстати, вам нельзя его дать? В Сибирь повезете?!

– Как они ходят босыми по этим камням? Что у них за кожа на подошве?

– Я смотрел, у него подошва набита в сантиметр толщиной. Тройная кожа! А я думаю так: когда фотокорреспонденты их снимают для газет, они босиком, когда никого нет, достают из рюкзаков ботинки и идут дальше! Знаете, как на Украине? Собрались хохлы и говорят по-хохляцки. Потом один спохватывается: слушайте, а москалей у нас здесь нету? Нету! Давайте тогда по-русски разговаривать!..

Иронии, понятно, Борису Евгеньевичу не занимать! Даже когда подкатили к его просторному дому, который от времени моего первого посещения Каракаса заимел второй этаж, и тут Плотников иронично заметил, что дом перенасе-

лен не только родней, но «притягивает» к себе то и дело «странных соотечественников». И процитировал, когда мы «вылазили» из его дребезжащего «Шевроле», в котором «гудит все, кроме гудка!»:

Вот моя деревня, вот мой дом родной!

Вот качусь я в санках по горе крутой...

И поспешил на кухню – приготовить кофе, оставив меня один на один с молодым путешественником, который «немного мычит по-русски, немного по-английски!» И я приложил все свои наработанные годами репортерские способности, чтоб вытянуть из парня ту серьезную информацию, которой замечательный человек Борис Евгеньевич Плотников, конечно ж, утрированно придал ироничный смысл.

Так вот, глава путешествующей троицы Владимир Петрович Несин. Родом из Белоруссии, из Бреста, где по свидетельству Никиты, так звать парня с подошвой в «три слоя кожи», Несину, знаменитому путешественнику, открыт даже музей. Владимир Петрович мастер спорта по самбо и несколько лет тренировал самбистов в сибирском Нижневартовске, где и родился Никита. Потом семья оказалась на Сахалине. Как? Тут мне из Никиты не удалось выудить подробности. С Сахалина восемь лет назад и отправился старший Несин с мальчиком Никитой в босое путешествие по планете. Дома, в сахалинском Александровске, остались мать и старшая сестра, а мужики-босоножки прошли за эти восемь лет сквозняком – Россию, Новую Зеландию, Австралию, Европу. И сейчас, по Южной Америке, едва не дошагали до Огненной Земли...

– Еще, знаете, – стеснительно произнес Никита, – мечтаем Африку пройти...

Ах, ты Господи! Так это ж сколько сил надо иметь, сколько устремленности! Возможно, не только ради дорожных впечатлений? Но об этом разговора с отроком, у которого и в самом деле «какие-то затруднения с речью», узнать не удалось...

– И – все пешком и пешком? – спрашиваю.

– И – автостопом случается.

А языки? Отец парня хорошо знает английский. И это помогает в дороге. Но в Китае объяснялись только жестами! Еще, конечно, перед прохождением новой страны учат заранее расхожие слова: спасибо, пожалуйста, извините, как поживаешь... И еще: хорошие люди встречаются везде. Приглашают путешественников к себе домой, особенно, когда холодно, дождь, ветер. Сложней всего было прошагать через Монголию, там дорог почти нет, очень редко встречается вода и по ночам даже летом холодно.

А Венесуэла? По словам моего нижневартковского земляки-сибиряка: «Природа интересная, много разнообразия, люди очень хорошие...»

Вот так разговаривали в апельсиновом саду Плотникова, а я так до сих пор и не вспомню: в обувке был паренек или в обычном своем виде – босиком. Никак не вспомню.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Когда к Волкову подвертывает Миша Поляков, то есть профессор физкультуры и тренер национальной команды Венесуэлы по легкой атлетике – мой земляк из Кургана Михаил Дмитриевич Поляков, барчик наполняется громкими голосами. Громогласен и шумен Миша, мы тоже неосознанно и невольно настраиваемся на его тональность.

В данный момент «национальный тренер» приехал не один, а вместе с автором этих строк. Мы два свободных для профессора физкультуры дня путешествовали по живописным окрестностям столицы страны, возвращаясь в город, Михаил предложил «взглянуть» на «новых русских», своих знакомцев, сбежавших из России, которые держали сейчас в Каракасе мастерскую по ремонту побитых машин.

– Диктофон не вынимай, «опасных» вопросов не задавай! Мало ли что подумают: привез, мол, человека из ФСБ или милицейского сыщика! Я скажу, что ты мой родственник, прилетел ко мне в гости! – предупредил меня Поляков.

Так и было. Не то улочка, не то переулок. Асфальт в выбоинах, в масляных разводах. Запах бензина, краски. Высокие бетонные заборы, «украшенные» пролетарского содержания письменами и восклицательными знаками, тоже революционного цвета – красного! Один из пламенных призывов, естественно, на испанском, мы тут же перевели: «Прижмем империалистов и капиталистов, всех эксплуататоров опустим!!!» Ниже: «Союз коммунистов и революционеров».

Из уличной ремонтной мастерской, высоченные ворота которой были растворены, Миша выманил на свет божий средних лет мужчину. Подошел, поздоровался на русском. Второй, крупнее телом и обширней физиономией, возившийся возле побитой легковой, вышел спустя несколько минут. Поздоровались, пожали руки друг другу. Но держались они натянуто, сдержанно потолковали на общие житейские темы, «неведомо о чем», искурили по сигарете. И разошлись, не совсем точно выражусь, как в море корабли...

– Ну рассказывай, кто это такие! – теперь, в барчике, в присутствии хозяина, Волкова, наваливаюсь на Полякова.

– Ты, дорогой Николай, здоровался за руку с беглым директором московского трубного завода Николаем Валентиновичем. Фамилию не помню. Да и не надо фамилии... О московских «делах» его догадываюсь только. Какие-то банковские дела. А второго звать Серёга Шостак. Слышал, с Серегой мы поздоровались: о, буэнос диас! А он мне: я русский! Но я-то знаю, что он хохол и Шостак. Но, видишь ли, не признается. Знаю, беглый из России, а почему убежал, тут уже – кто его знает...

– Николай был здесь, я помогал ему устроиться, – сказал Волков, – второго не помню.

– Ну как же, все они у тебя, дедушка, перебивали! И Серёга тоже! Высокий, здоровый, морда, лицо, здвините, на ракете не облетишь!

– Нет, не припомню.

– Ну, а Николай Валентинович, – продолжил Поляков, – приехал сюда в 99-м, как и я. Была у него фамилия, то есть семья, две больших дочери – Алла и Марина, и жена Марина, доктор. Волков им помогал, они его прекрасно знают, уважают. Они устроились на побережье Карибского, на Ла Гуайре. Еще до страшного наводнения, о котором все газеты мира писали. В наводнение их всех там снесло. Переселились в Каракас. Коля здесь начал с того, что открыл компьютерный центр, там я с ним познакомился. Сказал ему, что я из Одес-

сы, а он мне – я из Крыма. Выходило по сему, что мы земляки, родственники! В центре этом он поработал немного, дело, скорей всего, прогорело. Купил землю в одном из пригородов Каракаса. Вчера мы там проезжали. Жили они в пригороде, сколько, не знаю...

– Он там завел куриное хозяйство, – заметил Волков.

– И все куры померли?

– Да, да. Взял он больше тысячи цыплят, но начался мор. Подошли все поголовно. Что делать? К этому времени жена у него заболела. Болезнь эту здесь лечили, но не смогли вылечить. Ее постоянно трясло, вроде лихорадки. На глазах таяла. Устроили в военный госпиталь, но там врачи не вылечили... И сейчас она в Москве лечится – то лучше ей, то хуже. Не могут и московские врачи понять: в чем дело, что за тропическая болезнь?

А сам Коля жил с дочерьми, имели пару машин. И начал он сдавать машины венесуэльцам – под такси. Ему что-то платили. Но у нас здесь так обычно: венесуэлец ездит два-три дня на наемной машине, на четвертый день приходит и говорит: «Знаешь что? Я разбил твою машину, она находится там-то, на таком-то километре трассы, забирай её!» И уходит. Так же и у Коли получилось. Остался фактически без машин, без заработка... Теперь открыл с кем-то ремонтную мастерскую. Как у него дела идет, не знаю. Я потерял его след...

– Плохи у него дела, дедушка! – развел руками Миша. – Мы вот только что с земляком из Тюмени видели: успешный когда-то директор крупного советского московского завода откручивает-прикручивает колеса к какой-то побитой развалюхе...

И сейчас он мне сказал конкретно: старшую дочь он пока оставляет в Каракасе, она в университете учится, с младшей уезжает в Москву – к Марине, к жене. Хватит, сказал, нашей жизни в Венесуэле! Всё!

«ПРИГЛАСИТЕ МЕНЯ В ЛИДЕРЫ!..»

Просыпаюсь на зорьке, но еще в крошечной темноте, поскольку «зорек» этих, как в нашей среднерусской полосе, в тропиках не бывает, закаты и рассветы наступают быстро. Так вот, просыпаюсь, приходит на ум сравнение с красным уголком. То есть включаю в барчике верхний свет и вижу... Ну, батарею крепких напитков на полке противоположной от меня стены уже упоминал, как несущественное. Это на любителя, которых среди гостей почти не водится: возраст обычно тому причиной. Но – письменный стол, пишущая машинка с русским шрифтом, книги. А главное – в красном углу портреты! Здесь – государя императора Николая Второго и Великого Князя Константина Константиновича Романова, то есть известного поэта КР, а также любимого начальника всех кадет российских. Им он, любимым, ослался и на чужбине, в русском рассеянии.

Далее, припиленные к стене, сохраненные хозяином, кадетские его мальчишеские погоны, и подарки нынешних российских мальчишек – погончики суворовские, нахимовские, также значки, миниатюрные флаги старой и новой России.

Да вот еще с недавних дней смотрит на меня со шкафа с книгами голова вождя. Здесь – какого-то индейского племена. Не живая, да. Искусно вырезанная мастером из кокосового плода, и так живописно разрисованная, что смотрится вполне одушевленной. Отчего и вздрагиваю в первое мгновение, врубив свет...

Краснокожий вождь этот – еще один «странный тип» в барчике, но этого, купленного мной на базаре, упакую в дорожную сумку, чтоб в Сибири напоминал мне о далеком, о живых «типах», зримо и незримо посещавших этот полуподвальчик с высоким порогом входной двери, устроенном так,

чтоб сдерживать напористые воды во время ливневых небесных извержений. Говорят, что это не всегда удается. Бывали моменты, когда хозяевам дома приходилось спасать подвальчик и даже «плавать» в его тесном, но уютном для гостей пространстве. Бывали ливни...

Вот рассветало, развиднелось, вот с Георгием Георгиевичем взбодрились кофейком и бутербродами, вот кончились рассветные крики попугаев в соседнем дворе, а в нашем «зачирикал» в клетке-застенке из прутьев свой попугайчик, настойчиво прося воли и кормежки, чем мы и ублажили австралийскую птаху.

А в дверях – гость. Утренний. А им так рано бывает, как сказано мной выше, конечно ж, Плотников, которого Волков тоже именуется «странным», естественно, с положительными чертами и свойствами.

– Я только что «вылез» из ночного Интернета... Вы понимаете, в России на данный момент тридцать три долларовых миллионера! И восемьдесят миллионеров рублевых! – сразу с порога начал шуметь приехавший гость. – Недавно один из этих миллионеров устроил в Лондоне праздник, который обошелся ему в 500 тысяч фунтов стерлингов. Я уж не говорю об Абрамовиче. Там, кроме него, 300 тысяч гостей из России, в большинстве это миллионеры и миллиардеры. Они называют Лондон – Лондонградом. Прилетают из Петербурга, где утром пьют кофе, а обедают в Лондонграде. Три часа лету!

Я в шоке, понимаете! Не может же быть, чтоб умная страна наша допустила такое дело!? Вывозят валюту. Я помню, когда Израиль начался, там было правило: из Израиля ни одного доллара вывозить нельзя. Кстати, из Венесуэлы тоже нельзя!

Слушаем. К последней фразе я, внимая напористому голосу гостя, отношусь со вниманием: надо запомнить! А утренний визитёр продолжает:

– Почему Россия позволила, чтоб этот Абрамович купал спортивные клубы в Англии, чтоб он покупал себе дом в сорок два миллиона фунтов стоимостью? Почему на это не наложены драконовские налоги?

– Вы меня спрашиваете, Борис Евгеньевич? Отвечу! – говорю я, ощущая внутренне вину за современную Россию, от лица которой я тут, вроде бы, как бы представляю сейчас – в октябре 2005-го.

– Постойте, молодой человек... Ответьте сначала, как вам нравится вечеринка, обошедшаяся в 500 миллионов фунтов стерлингов? Это около миллиона долларов. Миллион долларов – это две с половиной тысячи миллионов венесуэльских боливаров! У вас есть такие деньги? У меня тоже нет! У Георгия нет!

– Такой размах у олигархов – одной и той же национальности!

– Так, слушайте, надо всех этих господ к Ходорковскому

отправить!.. Слушайте, сбросить нужно Путина и поставить человека, который бы навел порядки в России, в нашей стране.

– Ну вот и Вы рассуждаете как левый патриот!

– Борис, дать тебе выпить? Водки? – полушутя-полусерьезно произносит Волков. Скорее – подначивает друга.

– Рому немножко...

– Вы рассуждаете почти как коммунист! – опять делаю я реплику.

– Ну да! – говорит Волков. – Он у нас яркий коммунист.

– Насчет коммунизма я имун... Но насчет того, что в России творятся безобразия... Я после этой статьи о Лондонграде такой бы там скандал устроил!.. Что? Невозможно, говорите?

– Молчу я...

– Ну а тогда где армия? Хотя... Про армию есть в Интернете статья Проханова... Да-а, в ней ответ!

– Вы удивляетесь, Борис Евгеньевич. Замечательно. Но мы там, в России, уже ничему не удивляемся...

– Приглашайте меня, я буду лидером!.. Да-а... Вы знаете, я вчера читал о событиях в Нальчике. Думаю: что-то не то! Речь шла о бандитах, что напали на полицейских, на милиционеров, точнее сказать. Присмотрелся: слово «бандит» в кавычках! Каково? Так относится Англия, Америка к России и к Сербии. У нас с Сербией одинаковая судьба: нас уничтожают, мы вымираем, понимаете?!..

Ну, завелась с утра! Хотя как не понимать!

– Вы правы, Борис Евгеньевич, – печально роняю я, наконец присаживаясь на топчан, на свое спальное ложе. – Пройдет два года с небольшим, будут у нас новые президентские выборы. Но ничего не просматривается. Никакого нового лидера...

– У нас в Венесуэле таких сведений нет, дорогой мой. Но во главе России должен быть решительный человек – русский националист! Но ведь национализм в нашем Отечестве, в хорошем патриотическом понимании, сейчас вообще не у двора. А демократия эта? Для Америки она одна, а для России – другая. Двойной стандарт налицо! Когда Америке нужно, она убивает, насилует, мучает другие страны. Вроде бы так и надо, мало кто протестует. Но когда в России убьют какого-нибудь чеченского боевика, шум, скандал на весь мир поднимают эти демократы. Мы это видим здесь, слышим, понимаем...

– У нас, в России, ходит такое присловье про Соединенные Штаты: «А-а, у вас нет демократии, тогда мы летим к вам!»

– Самое страшное, мой дорогой, – вздохнул Плотников, – когда чеченские или «бандиты» другой национальности – в кавычках...

Каракас, Венесуэла.

Сергей Никитенко и Алексей Легков

Михаил Поляков с сыном Ваней

ЦЕРКОВЬ, ЖИВАЯ И ОЖИВАЮЩАЯ

“Без Церкви нет спасения” (Сщмч. Иларион).

Читая Жития Святых приходишь в священный трепет перед подвигами мучеников за имя Христово. Какой обильной кровью утверждалась христианская Церковь в первые века! Какое сплочение, единомыслие и единомыслие, с какой радостью неизреченной целыми общинами шли верные на страдания и муки, унижения и пытки от христоненавистников! Примеры высоты духа и чистоты Веры не только вдохновляют нас и укрепляют, но и обращают нас к своему внутреннему состоянию и своему месту и назначению в миру. Нателный или наперсный крест — это не только украшение и защита, но и напоминание о нашем священном долге.

Если я ношу крест, то сия дерзость говорит о том, что я люблю Господа нашего Иисуса Христа больше всего на свете и своей жизни, и, следуя Заповедям Его, я готов со смиренным восторгом отдать душу свою за моего любимого Господа. Причастность к Христовой Церкви обнаруживают и во внешнем облике, который всегда стремится к благочестию и самопожертвованию, и во внутреннем переустройстве для полного соединения с Богом, чтобы Он пришел и сотворил обитель Свою в сердце православном. Земная жизнь христианина не принадлежит человеку. (“Если живем — для Господа живем, если умираем — для Господа умираем”) — сохраняющий и очищающий образ Божий в себе и жить стремится богообразно, исполняя Его святую волю. Если мы желаем всем сердцем и всею душою вселиться в Обители небесные, то наша оставшаяся жизнь на земле должна стать началом блаженной вечности. “Царство Небесное внутрь вас есть”, — говорит Спаситель. “Вера без дел мертва есть”. Исповедание Веры и проповедь о Христе Иисусе “всяким дыханием” и оставшимся крестным путем на свою Голгофу и есть главное дело Христианина. Конечно, мы знаем, что “без Меня не можете творить ничего” (Ин.15,5) и “не вы Меня избираете, но Я вас”. И в откровении святого старца Серафима Вырицкого находим: “Вы не действующие лица, но орудия в руках Моих”. И здесь всех поджидал бы, возможно, духовный тупик и безысходность, если б не премудрость Божия, утвердившая Церковь, вне Которой не спасется никакая тварь. “Вы — Церковь, а порознь — члены” (1Кор.12,27). Одно из определений Церкви — Она есть Тело Христово. Каждый из нас — часть Милосердной и Вселюбящей Матери-Церкви. Но какая?

Мы видим, как дивно устроено наше тело — храм души, — как разумно и гармонично уложены члены и органы, как мирно они содействуют друг другу для нашего блага даже если мы порой, а то и регулярно, нарушаем мирное течение здоровой жизни своей неотвратимо стареющей плоти. Мы, ожидая скорейшего выздоровления, часто не наблюдаем, как наш организм “сам” борется с болезнью, чтобы мы скорее смогли снова творить дела Добра. Отпадают болячки, обновляется кожа, очищается изнутри плоть, и снова Господь дает почувствовать блаженство от утраченной скорби.

Взглянув же на организм Церковный, очень многие находят несоответствие современной православной Церкви Ее Апостольской Первооснове, омытой и освященной кровью мучеников. Сразу должен напомнить слова Христа, что “Церковь Мою и врата ада не одолеют”. Как Господь во все времена один и Тот же, так и Церковь Его. Она не может исчезнуть, потому что Она есть “Дом молитвы”, “Дом Духа Святаго”, “Дверь спасения”, Она есть Источник жизненных сил для человеков, Питательница и Врачебница, Наставница и Защитница. Она есть Все! И на земле Ее только начало, и конца ей нет во веки веков! А все недоумения и недоразумения, и недовольства по поводу Ее можно отнести, в первую очередь, на свой счет: “кто я, то я и вижу”. “Если око твое светло, то и тело твое светло, а если свет в тебе есть тьма, то какова же тьма”?

Однако есть и симптомы болезни Церкви, что никак и никому не может давать повода для Ее обвинения. “Бог поругаем не бывает”. Церковь — это люди, осознавшие и раскаявшиеся или еще не ведающие промысла Божия в том, что они уже участвуют в церковной жизни, хотя не придают этому пока должного внимания. Даже в самые суровые периоды жестокого гонения на православных всегда Господь хранил чад своих, и “малое стадо”

хранило истинную веру, Апостольские Предания, святость и Божью благодать, чтобы каждый год и каждый день разносилось по всей вселенной хвала Богу и радость Торжества Православия. И утверждалась Правда Божия. Известно, что без Епископа Церкви нет, на нем — вся полнота Апостольской благодати, только он властен совершать все таинства святой Церкви! И был случай в истории, когда один епископ остался верен духу Евангельскому и решениям Соборов Святых Отцов, и Церковь сохранила свою святую преемственность и силу Божию.

Сегодня же не только РПЦ, но и Россия, и весь мир претерпевают серьезные изменения, пошли ранее неведомые глобальные процессы. Изменились взгляды на Церковь, отношения к Ней, появился интерес и даже корыстный. Разные структуры хотели бы использовать Церковь, но и Церкви Самой надо утверждаться и выцерковлять народ. Создается мировая система материальных благ, юридическая основа которой входит в полное противоречие с Законом Божиим, и жизнь по совести в таких условиях стала невозможной. Священник является пастырем словесного стада Христова своего, а кому-то хотелось бы создать класс духовенства и интегрировать его в узаконенный криминалитет. Народ после десятилетий безбожия повалил, было, в храмы, но не найдя искомого утешения, частично соблазнился и отпал, подбираемый сектами, этой злокачественной опухолью Земли Русской. Раскольническая деятельность внутри Церкви и извне... И это малая толика причин, в которых представитель Православия от отсутствия христианского сознания и покаянного состояния, от пристрастий и многих искушений, неопытности и ненаправляемости духовником, часто своим грехопадением, заблуждением и неблагоприятностью вводит в искушение неокрепшие души. Но это не значит, что он враг Церкви и волк в овечьей шкуре, — просто он такой сейчас, и Господь ему дает возможность покаяться и найти Его, даже если тот уже имеет священный сан. Господь долго терпит, и Церковь знает, что обращались и гонители, и колдуны, и становились святыми Божиими. “Никто не становится святым как только из грешников”.

Однако и знамения времен нельзя отвергать. Всматриваясь в мир, кажется, что уже все пророчества сбылись, и мы зашли далеко в предапокалиптическое состояние. Дивисься долготерпению Божию — как же можно терпеть такую скорбь чад своих, страдания миллионов детей, новое поругание святых при одновременном золочении куполов!? А теперь еще и бандитская война против мирного и бедного населения Ирака. И всего мира. Христианская совесть говорит, что в первую очередь во всех земных катаклизмах и бедствиях виноваты мы, православные. Я лично. Ибо Россия ныне Новый Иерусалим! Даже сам Патриарх Алексей II посетовал на одном из епархиальных собраний Москвы, что нарукополагали священников, а Голоса Церкви так и не слышно. А кто кроме Церкви может обличить зло и заслонить Собой беззащитных чад своих?

Как бы ни были текущие дни и годы, а духовного вырождения не избежать, — иссякло нравственно человечество. “Приду, найду ли в ком веру?” — спрашивает Господь. Почти во всех охладет любовь, и не через кого будет Ему творить Свою спасительную волю. Не захотят спасаться от мира материальных благ и развлечений. Перестанут жаждать благ вечных. Исполнится всякое слово Писания. Но прежде — антихрист. И антихристовы церковь. Но эта “церковь” не будет возводиться рядом с Православным храмом — Церковь Христову сами “верующие” обратят в антихристову. По недоразумению, по недопониманию, под искушением, под страхом мирским, по своему убеждению, по выгоде и расчету. По грехам своим. “По вере вашей да будет вам”.

“Не дивитесь сему — тому предстоит быть”. Но и в тех последних временах останется хоть один настоящий благодатный епископ и его паства, идущие с пением пасхальных тропарей последним Крестным Ходом, на Небо. Как понятны нам и близки, и, кажется, необходимые земные ценности, что не до благодати многим. Прости, Господи, и не дай мне, грешному, разделить участь потерявших след Божий, не сберегших огонь светильника своего, духовно умерших! Блаженная Пелагия Рязанская и многие старцы XX века пророчили, что “почти все предантихристово священство

пойдет во ад", оставившее паству свою на растерзание лвам сатанинской эпохи. Вот и Псковоезерский старчик Николай накануне своего блаженного успения изрек, что настал в мире духовный голод. Видимо, мучительный поиск Бога без наставника и вменится последним Последователям Христа в мученичество. Но многие ли устоят, выстоят, дотерпят, домолят?

Однако будем соблюдать Заповедь: "Не беспокойтесь о дне завтрашнем...". Как нам Теперь жить в лоне Матери-Церкви? Благо если есть добрый пастырь, духоносный Владыка и благостный старец на соседней улице. А если уже нет? А в храме апокалиптическая суэта, финансовые разборки и скорострельные службы между "важными делами". Конечно, надо молиться, но и понимать, что нерукотворенную Церковь Господь создал, не каменную, а сердечную! Вот и зажги светом Божественной любви свое сердечко, да так, чтобы Христос, видя твою правильную, православную жизнь и милость к падшим и безнадёжным, Сам вошел в него и сделал тебя Своим возлюбленным чадом. И Другом! Мы много уже, Слава Богу, начитались книжек, что иного проповедника за пояс заткнем, часто усердно исповедуемся и причащаемся Святых Христовых Тайн. Но почему-то некоторые старцы говорят о таких "подвижниках" (без духовного движения), что "это их личное дело". Пред людьми слыть христианами.

Уж все заучили слова Христовы: "Иго Мое благо и бремя Мое легко есть", "яко кроток(внешне) и смирен сердцем (внутренне)", "в немощи человеческой сила Божия совершается", "для злинов безумие, для иудеев соблазн"(наш образ жизни) и т. д., но мы, ревнивцы не по разуму, снова и снова осваиваем стиль жизни книжников и фарисеев.

Мы в ответе за покой ближнего. Православие не обрядовое, не теория, но святая практика. Непрестанная практика спасения своей души, неусыпное внутреннее делание и жесточайшая борьба в сердце своем. И нечасто, мы вкушаем не во осуждение, но в Жизнь вечную Благодатную Пищу, — тогда хочется всех обнять, обლობызать, полететь; от избытка сердца глаголют и поют уста. Хочется всех схватить на руки, всю мою любимую Россию, со всеми злыднями и шептунами, и понести их на Небо, и, проливая сладкие слезы, вымолить у Господа прощения всем им, а потом и себе!

Человек — свечка. Если ты видишь в душе человека этот незримый фаворский свет, то согрейся от него — Наш человек, Божий, но только не туши своими страстями, расспросами, светскими новостями! Горячее сердце — это уже Ответ. Сам стань такой свечкой и носи свет Христов тем, кто и дым испустил в унынии, маловерии, скорбях, нужде и болезни. Скажи им доброе слово, прочти слово Божие, подари надежду о скором посещении его, о прощении ему грехов его Тем. Кто и распялся ради души его грешной, — зажги в нем искру Жизни! Обрадуйтесь в благодатном преображении! Умножайте Радость о Христе, Спасителе мира. И вот уже вас трое, а" где двое или трое во имя Мое, там Я посреди них! Вот она подлинная благодатная Церковь, малое стадо последних времен. Но будет еще и духовный расцвет Православия и Царь-Батюшка на "малое время"! Вот в этой-то соборной Радости пожить, в настоящей Святой Руси! А потом пусть распинают... А как иначе в Царство Небесное войти? По Кровавой Христовой Дорожке!

Тьма потому и наступает и совершенствует свои сети, чтобы невозможно было гореть чистому сердцу, ужасающему тьму. Мы беззащитны в своей открытой приверженности Богу и нравственной естественности, а они сильны многоликостью и организованностью, как крысы. Мы претворяемся, а они притворяются. Нам нечего скрывать кроме своих грехов, потому что мы "возвращаемся" Домой, в Обитель Отца Небесного. А они скрывают свое нутро, потому что оно пнилое и мерзкое, но такой они выбор сделали, в пользу земных ценностей и ожидания удобного Мессии. Их методы выживания (не спасения) — ложь и клевета, управление и распределение земных благ, оттого вынуждены имитировать, создавать иллюзии на свой счет, тщеславия, пускать дым в глаза, скрывать свою человеконенавистническую сущность, компенсировать человеческий недостаток внешними украшениями и регалиями, званиями и чинами, положением и статусом. И духовная поляризация социума близка к своему разрешению: ну не может Господь бесконечно терпеть разбойников в России и Церкви Его. Матушка Богородица небось океан слез пролила за православных России, где чаще всего и являлась. (И вот последнее явление Приснодевы Марии — "Русь Воскрешающая"). "Царь грядет" — утешил напоследок великий Старец Николай.

Зло живет по своим законам и поглотить решило всех до единого. Добро в виде РПЦ, Вселенской Церкви, живет Телом и Кровью Христовой. Только Православным Господь вручил Свое

духовное оружие. И мы сегодня отступаем только потому, что света в нас мало. "Вы — свет миру". Свет Любви — это свет Жизни. Враги Христа предали себя вечной смерти и вынуждены играть в жизнь, вовлекать в политические и религиозные спектакли, отравленные суеверием души, создавать видимость жизни, бутафорское или виртуальное бытие, что по сути есть антижизнь, благословенная антицерковью. Свободное злопыхательское существование. И нет у них выбора, чтобы все народы не вводить в искушения, в ересь, в антимир, смущать, замутнять рассудки с помощью СМИ всякой дрянью, извращать Божью правду и ломать богоустановленный порядок, бессмертную природу души, выводя искусственно-принудительным образом духовных клонов, антилюдей, античеловечество, способное "жить" уже только по их дьявольским понятиям. Стабилизация мирового сатанизма и принятие постгосударственным "сообществом" антихристовой системы, формирование лжеобщества, втиснутого в узаконенный электронный концлагерь, и есть долгожданные условия для встречи Мошиха.

И конечно, он придет, но что мы сделали, чтобы последнее время со всеми его иродовыми проводниками не наступило теперь? У нас нет выбора, если мы живы Светом. Надо отвергнуться себя, любимого, и осмыслить, и ощутить себя членом Церкви, а не перхотью, с Нее смываемой. Надо нести в мир и благу Весть, и благодать, и Любовь, зажигая потухшие сердца и разгоняя тьму. Нас объединил Сам Бог, мы причащаемся из одной чаши, а мира между нами нет, нет любви и взаимной поддержки, а тяготы друг друга только перед телекамерой носим. Мирское не спасает! Православие — это такая Высота и такая тонкая Материя, что и от нас требует святой утонченности, и если не будем себя принуждать жить высоко, сердцем на Небесах, то неминуемо придут очистительные скорби для нашего соборного протрезвления о Христе, для обнаружения образа Божия в ближнем своем, а не только в себе. Однако, какой ценой? Смотри на Восток — это ждет нас! Только единство Церковное и един Дух принесут нам Божие благословение и такую благодать, когда все Свечки Христовы составят такой огонь попопалающий, что зло, боясь разоблачения, само забьется обратно в утробу геенскую.

"Спаси себя и тысячи спасутся возле тебя", — наставляет нас Святой Батюшка Серафим Саровский. Пришло время заниматься собой, а не внешними религиозными манипуляциями и мероприятиями. Пока нами, еще зело неокрепшими, не занялись решительно. Или Сам Господь — за нашу духовную лень и нерешимость. "Царство Небесное нудится и прилагающие усилия достигают Его". Если не будет этого Царства в душах наших, как мы узнаем друг друга во Христе? Чтобы свеча к свече встать на пути зла негибачаемым строем Света. И если нет в нас Духа Святаго Божия, как войдем в Чертог Небесный? "Ничто нечистое не войдет в Царство Божие". В чистоте мыслей и помыслов, в удивленном покое молитвенном и священном ужасе пред величием Создателя слышен Бог. Хватит быть сынами тьмы и метаться между Небом и землей! "Двум богам служить не можете". Мы уже в Церкви! И только спящий не чувствует себя великим счастливецем. Живи свято и ненавидь зло, храни Веру Православную и защищай Отечество, кайся и восходи "от силы в силу", люби народ свой и украшай плодами духа и дел твоих Святую Матерь-Церковь! Вот что нас должно объединить. Иначе, как было не раз, объединит всеобщая беда, не приведи Господь!

Пусть теперь каждый дом станет духовной крепостью! Каждый храм пусть станет тем, чем и призван быть, ибо он, как и любое сердце Русское, на фронтовой линии вселенской битвы. Пусть каждая служба Божественная станет ударом света по смертному мраку. Пусть каждый православный станет Братом и Сестрой друг другу, и верными Епископу! Пусть каждая душа не смолкая вопиет о прощении и спасении! Пусть наши дети, еще незагаженные грехами, поют "Аллилуиа" и Славу Богородице. Хватит планировать земную жизнь в тисках смерти и пытаться выжить без Церкви! Хватит хулить Церковь, чтобы Ее заняли и осквернили антихристы. Своих детей готовьте на Божее Служение, самое тяжелое поприще, ибо они — последние святые земли Русской. Давайте выскажем все обиды и недовольства друг другу, простим как заповедывал Господь и обнимемся как перед последним священным Сражением! Чтобы и слабый устоял. И все спаслись!

"Кто научит и исполнит, великим наречется" — думаю, это о Русской Крестной Судьбе говорится. Давайте покажем как русские могут любить и умирать за Любовь! Пасхальной вам радости, родные мои! Вечной вам Пасхи! Аминь.

о. ВЛАДИМИР Ермолаев,
г. Полеской.

САМОЕ РАЗНОЕ

Высшая задача таланта – своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни.

В.О. Ключевский

Правда – точно горькое питьё, неприятное на вкус, но зато восстанавливает здоровье.

О. Бальзак

Ничто притворное не может быть продолжительным.

Я. Каменский

Мужество растёт с опасностью: чем туже приходится, тем больше сил.

Ф. Шиллер

Если бы мужчины знали, что думают женщины, то были бы в двадцать раз нахальнее, точно также, как если бы женщины знали поближе мужчин, то стали бы еще кокетливее.

А. Корф

Обращайтесь с женщиной осторожно. Она сделана из кривого ребра. Бог не сумел создать её прямой; если захочешь выпрямить её, она (переломится); оставишь её в покое – она станет еще кривее.

И. Гете

У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух.

Конфуций

Женщины отдаются Богу, когда дьявол уже не желает иметь с ними дело.

София Арну

Бабки вместо берез
шелестят над страной,
«Мерседесы» да девки-огонь.
Но традиции здесь
поросли трин-травой;
Нарушает закон шалупонь.

Из песни 90-х годов
минувшего века.

Муськин подарок

Кошка Муська мирно дремала, лежа сразу на трех подушках. Для комфорта хватало бы и двух, но, добродушная по натуре, своих хозяев она баловала. Всякие вольности вроде трех подушек на любимое кресло, куска мяса к обеду, куриных шеек на завтрак и ужин и прочие мелкие заискивания она воспринимала снисходительно. Даже на хозяина насмешливо мурлыкала: «А кто их просит, шейки-то? В доме не хватает главного – мышек. Вон прежние владельцы квартиры, люди, увлеченные серьезным делом, сколько их оставили после себя! Хватило надолго. Можно было продолжать разводить... А вы ходите неизвестно куда, неизвестно чем занимаетесь... Сидели бы спокойно дома, разводили мышей. И мяса на вас хватало бы с избытком. А из шкурок шубы шили бы. Вот это дело!» Непокоримая в уверенности, что рано или поздно так и будет, она терпела ежедневные отлучки хозяев, сама заботясь о порядке.

Сегодня у нее праздник. Она, наконец, поймала старого и опытного Мыша, портившего ей настроение своим писком и шорохом под полом на кухне. Пришлый, и потому наглый, он по системе вентиляции и трубам взобрался на пятый этаж, избежав в пути многих опасностей. Не брезгуя крошками, он избрал для себя привычку воровать приманку из ловушек, за долю секунды уворачиваясь от страшных ударов мышеловок. Это снискало ему уважение, сделало его героем среди всей мышиной братии дома. Громадный серый котяра с третьего этажа внушал ужас одним своим видом, и желающих обитать с ним по соседству не находилось. Однако Мыш случайно подсмотрел, как за ужинот коту налили в крышечку из-под минералки какой-то жидкости. Наглотавшись ее, он упал на спину и захрапел наперегонки со своим хозяином. Безвольные лапы покачивались, а кончики длинных развесистых усов покоились на куске мяса. Его-то Мыш и стащил, небрежно отодвинув лапкой прилипший усик.

История обросла невероятными подробностями. Молодые мышкы, млея от страсти, судачили с подружками из соседнего дома, как их герой двинул лапкой в нос коту, и когда тот свалился замертво, забрал у него ужин. Мыш хвастливо заявил, что для него нет ничего невозможного, и он обязательно доберется до самого верха. И действительно, через сутки он обжигал пятый этаж, не обращая внимания на угрожающее мяуканье Муськи.

Ежедневно выкатываясь за едой, он ловко скрывался между банками, решетками и противнями между плитой и вечно гудящим холодильником, когда Муська пыталась его поймать. Негодующе она царапала ножки стола и стульев когтями, требуя элементарного порядка, но ничего, кроме топанья и шиканья со стороны ничего не понимающих людей, она не добилась. Раздосадованная их беспросветной тупостью, поняв, что рассчитывать не на кого, кроме себя, сменила тактику. Затаившись среди цветов на подоконнике, дождалась, когда серый шарик с залпывшими от жира глазками выкатился за кусочком колбасы на середину кухни, и прыгнула. Сложный боковой прыжок с разворотом в воздухе и красивый полет подарили ей желанную добычу. Мыш даже не понял, что случилось, и откуда взялась Муська. Его подбрасывали, крутили, слегка покусывая, вновь ставили на ноги, подталкивали: «Беги!». Ошалевший от всех акробатических трюков, после двух-трех семенящих шажков, он вновь оказывался на коготке Муськи.

Скоро все было кончено. Мыш неподвижно лежал посреди кухни на полу, а Муська притаилась за ножкой стула, возбужденно похлопывала хвостом по полу. Убедившись, что Мыш затих окончательно, и писка под полом больше нет, она успокоилась. Подавив в себе желание пообедать им немедленно, отправилась в кресло на подушки ждать хозяев.

Во сне она вновь переживала охоту. Долгие безуспешные попытки изловить Мыша, засады среди цветков, прыжок и точное приземление с одновременным захватом. Лапки напрягались и подергивались, выпускались и втягивались когти, вздрагивали усы, трюгольнички ушей стряхивали последние звуки.

Тишину квартиры звяканьем ключей, скрипом открывающейся двери первым нарушил хозяин. Сбросив остатки сна, Муська, выгибая спину и хвост, постукивая коготками, в «лицах» пересказывала подробности. Он все понял, похвалил и даже погладил Муську. От его руки пахло усталостью, и она поняла, что тяжелый день был не только у нее. «Наверное, он очень хочет есть», – подумала Муська и ей стало жалко хозяина, громыхавшего кастрюлей и сковородкой на кухне. «Бедный, он так наработался. Да и хозяйка почему-то задерживается. Обычно она рано приходит. Дочек тоже нет», – подумала Муська, с интересом наблюдая, как он наливает из кастрюли и ставит на стол тарелку. Едва успев это сделать, хозяин поторопился на звонок, позвавший к двери. Разговоры из прихожей переместились в комнату.

Муська, обиженная равнодушием хозяйки, к которой она кинулась со своей новостью, вернулась обратно на кухню. Вскочив на стол, она принохалась к содержимому тарелки. В ней явно чего-то не хватало. Спрыгнув на пол, Муська прислушалась. Уставшие хозяева на кухню не торопились. Ей захотелось сделать им что-нибудь очень приятное, и она решила: схватила зубами мышца, прыгнула к тарелке и точным движением опустила добычу в суп: «Пусть полакомятся. Хоть раз в жизни!».

Анатолий Уваров,
г. Нижневартовск.

Простор родимых мест

Фото З. Каргаполовой

Радуга над селом

Сенокосная пора

Растет стожок сена

На озере Солёном

В старом колке

Деревенское детство

Родина моя! Не любя тебя, невозможно любить другой мир, ибо потеряв тебя, мне уже нечего будет терять.

А. Даутбеков

«Меньшие братья»

КОШКИ И СНЕГ

Даже если кошки предпочитают уют и тепло, их все равно завораживают белизна и сверкание снега. Сидя на окне, многие кошки внимательно наблюдают, как падает снег. На улице они гонятся за снежинками, утопая в рыхлом снегу, и испытывают при этом необычные для них ощущения. Как же вам поступить? Оденьтесь теплее и прогуляйтесь с кошкой по великолепному царству снега.

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Тюменская и Ханты-Мансийская писательские организации.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 07.11.2006. Тираж 300 экз. Заказ № 1505.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. ПЯТКОВОЙ.

Корректор В. П. Бумагина.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются. Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

